

Легенды Солнечного острова
**Исцели мою
душу**

Страшно, когда теряешься в глубинах собственного разума. Страшно, когда сама не можешь разобраться в своем душевном состоянии. Я сумасшедшая? Может быть... Даже не сопротивлялась, когда сестра решила сдать меня в Дом скорби, понадеявшись на помощь целителей. И появился он - сильный, отзывчивый, и я поверила, что только он может мне помочь. Шерман Стонфилд - глава целителей Дома скорби... Но что-то мне подсказывает, что в этом заведении есть какая-то тайна... Смогу ли я разгадать ее и исцелить собственную душу?

Исцели мою душу

Дом скорби

Мартина смотрела на меня с таким беспокойством, что я едва не поверила в ее добрые намерения. Хотя мне уж точно не узнать наверняка, какие мысли бродят в ее симпатичной рыжеволосой головке.

— Ну, что же так долго! — воскликнула она в очередной раз, недовольно глядя на дверь кабинета напротив.

Конечно, у Мартины ведь есть много других дел, кроме как сдавать сумасшедшую сестру в Дом скорби. А я вот уже никуда не спешу... Куда мне торопиться? В руки добрых целителей? Откинувшись спиной к стене, прикрыла глаза, принялась едва слышно напевать навязчивый мотив, который застрял в голове...

— Лия, скажи хоть что-нибудь!

Открыв глаза, увидела перед собой лицо сестры. Вот и вернулось это обычное выражение — недовольное, почти брезгливое. Ах, какое горе для семьи! Корделия повредила рассудком!

— Ты с самого утра не произнесла ни слова! — продолжала Мартина.

А что мне сказать? Разве сумасшедшие имеют право голоса? Прости, сестричка, но с тобой мне сейчас меньше всего хочется вести душевные беседы. Лучше бы мне сейчас уснуть и больше никогда не просыпаться...

Мартина вдруг села рядом и погладила меня по плечу. Надо же, какая забота об убогой, просто расплачусь сейчас...

— Лия, пойми, это для твоего же блага, — почти ласково проговорила Мартина. — Сама же знаешь, что нуждаешься в помощи. Ты обязательно поправишься и вернешься домой.

Я едва не рассмеялась. Конечно, вернусь, как же... Тут же вспомнилась вчерашняя сцена... Ее муж, Генри, кричал, чтобы она сейчас же увезла подальше свою чокнутую сестричку... Чтоб ноги моей больше не было в ИХ доме, а то еще прирежу во сне! Конечно, я ведь больше не член семьи, а так... убогая родственница, о которой приходится заботиться. Мартина же такая великодушная, такая добрая... Не выгнала, отвела к целителям. Благодетельница...

Старшая сестра... Идеал женщины, к которому я должна была стремиться по мнению родственников. Красивая, уверенная в себе, общительная, веселая... Это все для других. Для меня же — заносчивая, грубая эгоистка. Еще бы ей не стать такой, ведь отец всю жизнь с нее пылинки сдувал, только и думал, как бы не обидеть чем-то, а Мартина никогда не упускала возможности напомнить о его вине.

Так вышло, что мой ныне покойный отец когда-то бросил первую жену ради моей матери, и в той семье осталась маленькая дочь. Брошенная женщина через несколько лет умерла, и в доме появилась Мартина. Я тогда была совсем маленькой, но отлично помню день нашего знакомства. Моя новоиспеченная сестра наговорила мне гадостей и сломала любимую куклу. Я рыдала целый день, а мама уговаривала потерпеть, подружиться с Мартиной. Мама ведь тоже чувствовала вину перед той женщиной, всю жизнь себя изводила, как и отец. Так Мартина стала хозяйкой нашей жизни и отличным манипулятором.

Наверное, чувство вины и подкосило здоровье мамы. Она угасла за каких-то полгода, и я

даже не знаю, как мне удалось справиться с потерей. Я окунулась с головой в учебу, помогала отцу в семейном деле — сети швейных мастерских, крупнейшей в столице Империи семи островов — Дианите. Училась в школе, потом в университете, а когда отец совсем разболелся, стала управлять семейным предприятием. Сколько целителей побывало в нашем доме, но все без толку. Болезнь сердца то замирала, то вновь просыпалась. Помню, один из дорингов как-то сказал, что органы вылечить можно, а вот душу — гораздо сложнее. Не только физическая болезнь может разрушить организм, но и душевные терзания, от которых не спасет ни один целитель. Отец покинул меня, оставив завещание, в котором распорядился поделить все имущество поровну между дочерьми.

Так я и дожила до двадцати шести лет — в переживаниях, в учебе, в работе. У обожаемой сестрички же была совсем другая жизнь. Ее больше интересовали развлечения, балы, мужчины. Она еле-еле закончила университет, да и то благодаря связям отца. Красивая, смелая, с роскошной фигурой — Марина всегда привлекала мужчин, да и сама не отказывала себе в удовольствиях. Репутацию она себе заработала сомнительную, но в двадцать пять лет таки вышла замуж. Ее муж, Генри, в пух и прах разругался со своим богатым отцом, в короткие сроки промотал собственное причитавшееся наследство, да и женился от безысходности. Теперь чета Джонсонов жила в нашем семейном доме и без зазрения совести пользовалась доходами от сети швейных мастерских, хотя сами ни в чем не помогали мне. Мартина считала, что наш отец даже после смерти обязан ей, а потому она может пользоваться ресурсами нашей семьи до конца жизни. Муженек-лодырь во всем ее поддерживал.

Теперь, когда со мной случилось такое, Мартина не упустит возможности прибрать все к рукам. Больше всего я боялась не за себя, а за то, что она разрушит и то небольшое, что осталось от нашей семьи. Если бы мне было, куда уйти... Может, если бы я не работала так усердно, если бы позволила себе хоть немного свободы... Теперь уж поздно, ведь двадцать шесть лет — это почти приговор. А уж с такой репутацией меня теперь точно никто замуж не возьмет. Мартина любила повторять мне, как я некрасива по сравнению с ней. Долговязая, худющая, бледная... Волосы светлые, глаза серые, блеклые — невзрачная барышня, на которую никто и не взглянет. Самое забавное в том, что так оно и вышло...

Дверь кабинета скрипнула, отвлекая меня от мыслей. Я увидела высокую пожилую женщину в синем платье и белом переднике. Сделав нам приглашающий жест, она скрылась в кабинете. Мартина взяла меня под руку, словно опасаясь, что я вдруг сбегу, и повела внутрь.

— Светлейшая, я так благодарна, что вы согласились принять нас лично, — сказала сестра, усаживая меня на стул.

Естественно, Мартина вовсе не хотела обращаться, как положено, в приемный покой, к простому персоналу. Ей сразу подавай какое-нибудь начальство. К ее разочарованию, сегодня главного доринга не было в городе, поэтому сестре пришлось довольствоваться его заместителем. Лаура Дрэйк, светлейшая целительница, смотрела на меня внимательно, даже сочувственно, как мне показалось.

— Я прочла ваше заявление, — сказала она, демонстрируя Мартине три исписанных листа.

Конечно Мартина не поскупилась на слова, чтобы описать душераздирающую картину моего безумия. Еще наверняка и краски сгустила.

— Если все так, как вы написали...

— Конечно, все так! — нетерпеливо воскликнула Мартина. — Прошу вас, помогите моей сестре! Я так на вас надеюсь...

— Как вас зовут, милая? — обратилась ко мне Лаура, не обращая внимания на сестру. Я было хотела ответить, но Мартина опередила меня.

— Корделия Саури.

Лаура бросила на сестру недовольный взгляд.

— Госпожа Джонсон, помолчите, пожалуйста, или я выставлю вас за дверь!

Мартина обиженно притихла, а целительница придвинула стул и села напротив меня, взяв мои руки в свои.

— Корделия, скажите, с вами впервые такое?

Я кивнула, разглядывая кружева на ее переднике.

— Раньше бывали видения? Может быть, еще что-то необычное?

— Нет, светлейшая, никогда, — прошептала я, взглянув ей в глаза. — Я не знаю, почему так случилось, правда...

Мне так захотелось кому-то довериться, а эта женщина казалась такой искренней, участливой. Я увидела в ней настоящее сочувствие, что было для меня особенно ценно после общения с сестрой.

Лаура что-то прошептала, положила теплую ладонь мне на лоб. Кожу тут же закололо, словно крошечными иголочками.

— У вас болит что-нибудь? Может быть, обмороки бывают...

— Нет, никогда, — ответила я. — И проблем со здоровьем не было... Только переутомление, возможно...

Целительница прикрыла глаза и принялась шептать что-то неразборчивое. У меня закружилась голова, а все тело налилось такой тяжестью, что я едва не свалилась на пол. Эти неприятные ощущения продолжались несколько минут, а потом женщина отпрянула от меня и потерла руки.

— Очень интересно... — произнесла она, а потом взяла со стола заявление Мартины и протянула мне. — Скажите, Корделия, все действительно было так?

Я мельком пробежалась по тексту. В Мартине явно умер великий писатель... Она так живо рассказала о последовательности моего падения в бездну, что я и сама впечатлилась. Вот внимательная сестра заметила изменения в моей поведении. Я вдруг стала веселой, улыбочивой, что для меня не характерно... Потом узнала, будто у меня появился поклонник, чему весьма удивилась и сразу заподозрила неладное... Еще бы, куда мне, убогой! Это ведь только за нашей красоткой мужчины толпами увиваются! Так, что дальше... Вот! Решила она расспросить работниц мастерских обо мне, так они даже и не слышали ничего о мужчине рядом со мной... Местные цветочницы подтвердили, что букеты я себе сама покупала... Оказалось, что никакого мужчины и вовсе не существует! Бедняжка совсем сошла с ума от одиночества, придумала себе жениха!

— Все так и есть, — прошептала я, протягивая Лауре листы.

— Вы действительно... видели кого-то... мужчину?

— Видела, — призналась я. — Он казался вполне материальным...

— Какое горе! — воскликнула Мартина, театрально всплеснув руками. — Это просто ужас какой-то! Проклятье!

— У вас есть еще родственники? — спросила Лаура, неприязненно глядя на Мартину.

— Близких нет... Только тетка, но ей все равно...

Сестра подошла ко мне и положила ладони на плечи:

— Я — единственный опекун Корделии, светлейшая, — заявила она. — По всем вопросам обращайтесь ко мне.

— Опекун? — удивленно переспросила целительница. — По-моему, об этом еще рано говорить. Ваша сестра не буйно-помешанная и вполне может себя контролировать. Признаков душевной болезни я у нее не нашла.

— Но... но ведь вы же оставите ее здесь? — спросила Мартина, побледнев.

— Оставлю, — ответила Лаура. — Корделия нуждается в помощи, и я не могу ей отказать. У нас есть специальное отделение для пациентов с легкими нервными расстройствами...

Мартина подошла к целительнице и прошипела:

— Легкое нервное расстройство? Вы шутите? Она полмесяца встречалась с несуществующим мужчиной! Это, по-вашему, просто расстройство?

— Я прошу вас успокоиться, госпожа Джонсон, — невозмутимо ответила Лаура. — И довериться нашим целителям. Завтра в столицу возвращается светлейший Шерман Стонфилд — главный доринг, член ковена, настоящий профессионал. Он точно разберется во всем. А пока прошу вас оставить сестру на мое попечение.

Мартина хмыкнула, сунула мне в руки потертый саквояж и покинула кабинет, даже не попрощавшись.

— Думаю, дорогая, вам у нас даже лучше будет, — проговорила Лаура, глядя ей вслед. — Сейчас примем успокоительное заклинание, а потом отправимся осматривать ваши новые апартаменты.

Я кивнула, чуть улыбнувшись, и уже привычно подставила лоб под ее теплую ладонь.

Внутренние демоны

Лаура вывела меня из здания и повела по внутреннему двору по серой каменной дорожке, по обеим сторонам которой росли низкие кустарники с розовыми цветами. После успокоительного заклинания у меня было странное заторможенное состояние. Я словно воспринимала все с опозданием, с паузой... Например, видела, как шевелятся губы собеседницы, но слова слышала лишь через несколько секунд. Еще меня охватила такая слабость, что целительнице пришлось подхватить меня под руку, а еще и саквояж мой тащить.

— Ничего, это в первый раз, — успокаивала она. — Привыкнете, и станет легче. Это заклинание полезное, ауру восстанавливает, да и расслабиться вам не помешает.

Расслабиться... Хорошо бы. От мрачных мыслей не спасала даже магия. Я все думала, как же это могло случиться со мной? Неужели и вправду сошла с ума? Такое ведь бывает, и никто не застрахован... Не зря ведь существует этот Дом скорби. Я слышала, Император не скупится на его содержание, как и других целительских заведений. И действительно здание, куда меня привели, оказалось вполне симпатичным, по сравнению с другими на территории, серыми, мрачными, с занавешенными окнами. Да и внутри ничего не напоминало лечебницу. Стены выкрашены голубой краской, на полу — мягкий ковер с орнаментом, красивые магические светильники... Даже и не скажешь, что здесь содержатся

сумасшедшие. Словно поняв, о чем я думаю, Лаура рассказала:

— Это отделение нервных расстройств. Бывает, господа сами добровольно обращаются к нам за помощью, чтобы успокоиться, вернуть силы к жизни или просто отдохнуть от повседневных проблем. Нередко здесь оказываются пациенты, которые пережили горе и не могут справиться самостоятельно. Сейчас там находятся четыре пациента. У них, как и у вас, не обнаружено признаков душевной болезни. С другими пациентами вы контактировать не будете — они гуляют на специально отведенной территории. Вы же можете прогуливаться, где угодно.

Лаура что-то сказала молоденькой девушке в белом чепчике и переднике, которая сидела за столом в коридоре. Та принялась писать что-то в толстом потертом журнале.

— Это наши смотрительницы, — сказала Лаура, обернувшись ко мне. — Можете обращаться к ним по всем вопросам. Или приходите ко мне... Помните, где мой кабинет?

Я неуверенно кивнула. С памятью у меня нынче большие проблемы. Сложно отличить реальные воспоминания от выдуманных.

— Я оформила вас на добровольное лечение. Это означает, что вы вольны уйти, когда захотите, но надеюсь на ваше благоразумие.

— Конечно, я останусь и сделаю все, что вы скажете, — ответила я.

— Вот и замечательно, госпожа Корделия. Но если вам понадобится куда-то выйти ненадолго, обязательно предупредите смотрительниц. Сейчас я покажу вашу комнату. И прошу, не бойтесь соседей... Они могут с первого взгляда показаться совсем сумасшедшими, но уверяю, это не так. Вот здесь у нас гостиная...

Лаура завела меня в просторное помещение, заставленное мягкими диванами и креслами. Повсюду стояли живые цветы в кадках, а целую стену занимал огромный шкаф с книгами.

— Вон за той дверью столовая. Смотрительница скоро пригласит всех к ужину. У нас тут две спальни — мужская и женская. У вас будут две соседки. Идемте...

Я пошла за ней к зеленой двери, украшенной ручкой в форме лилии... Лаура пропустила меня вперед. Я уже протянула было руку, чтобы открыть дверь, как она распахнулась сама. На пороге стояла молодая невысокая женщина в пышном синем платье и распущенными длинными каштановыми волосами. На ее круглом личике отражалось выражение бесконечной тревоги. Незнакомка вцепилась в меня мертвой хваткой и воскликнула:

— Где мой ребенок? Ты видела его? Где мой сын?

Женщина трясла меня за плечи, а я не знала, что делать, будучи ошарашенной происходящим. Лаура решительно встала между нами, погладила незнакомку по голове, зашептала что-то. Женщина как-то сразу осунулась, обмякла и скрылась в глубине комнаты.

— Это наша Мэй, — нервно пояснила Лаура. — Сложный случай... А вот и ваша кровать, госпожа Корделия. А вот за той дверью — купальня.

Я осмотрела свою новую постель, застеленную чистым новым бельем. Рядом стоял добротный комод. На окне колыхались шторы в цветочек... Кажется, жить можно. Хотя... Эта самая Мэй сидела на своей кровати в углу и раскачивалась из стороны в сторону. Еще на одной кровати лежала девушка лицом к стене, наверное, спала.

— Я вас оставлю, обживайтесь, — сказала целительница, вздохнув. — Завтра приедет доринг Стонфилд, и я пошлю за вами. Он обязательно во всем разберется. Не волнуйтесь, все образуется...

Лаура погладила меня по плечу, чуть помедлила, но потом все же покинула комнату. Я

так и осталась стоять с саквояжем в руках. Нужно бы поздороваться, познакомиться с соседками... Да только похоже их вовсе не волнует мое появление. И это легкие нервные расстройства? Впрочем, целителям виднее. Мне уже очень хотелось посмотреть на этого Стонфилда, о котором столько упоминала Лаура. Похоже, он здесь самый главный, да и вообще все им восхищаются и надеются только на него. Что ж, магии ковеннов всегда пользовались особым уважением. Возможно, только он сможет объяснить мне, что же это было...

Я устало опустила на кровать и прикрыла глаза. Если бы все оказалось не игрой разума, а правдой... Я каждый день об этом думала. У меня ведь могла быть совсем другая жизнь. Джеральд мог ведь оказаться не плодом моего больного воображения, а вполне реальным мужчиной, которому я понравилась. Ведь могло же быть такое? Ведь другие женщины вокруг как-то встречают свою половинку? Почему же мне досталось всего лишь видение, иллюзия? Может, мне просто не суждено быть рядом с мужчиной, и боги решили показать мне это...

Встала и подошла к большому зеркалу, висящему на стене. Утром собиралась впопыхах, лишь бы не слышать проклятий Генри и не видеть его злобного взгляда. Муженек Мартины вообще не отличался хорошими манерами и очень любил бренди из винного погреба. Ума не приложу, как сестра с ним живет. Он же ужасный, грубый, неприятный! А вот Джеральд... Он был идеальным... Видимо, поэтому и оказался нереальным. Все было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Я распустила наспех собранные волосы, расчесала и снова заколола изумрудными шпильками. На мне было атласное медовое платье со скромным вырезом, прямое и простое, но все же для этого места казалось слишком нарядным. Пришлось заглянуть в саквояж. Мартина сама собирала для меня вещи, даже не пустив в собственную комнату, заперев в кабинете отца. На ее доброту и великодушие я, конечно, не надеялась, но реальность превзошла все мои ожидания... В саквояже я обнаружила два платья из грубой серой ткани с длинными широкими рукавами. Где она взяла этот ужас? Я, конечно, никогда не была модницей, но услугами наших портних пользовалась регулярно. А этот серый ужас, похоже, наша экономка носила. Ну, спасибо, дорогая сестренка... Еще нашла несколько смен белья и жуткую ночную сорочку в мелкий цветочек на бретельках. Вот же гадина! И здесь умудрилась насолить мне! Я ведь не смогу теперь домой вернуться за вещами... Хорошо, что Лаура разрешила мне выходить ненадолго. Хорошо, хоть деньги при мне... От бессилия и обиды даже расплакалась. Ну за что Мартина так со мной? Я ведь ничего плохого ей не сделала...

— Здравствуй!

Я обернулась, вздрогнув. Приоткрыв дверь, в комнату заглядывал незнакомый светловолосый мужчина.

— Ты ведь новенькая, да? Меня Трой зовут.

— А меня Корделия, очень приятно.

— Не хочешь поболтать?

Новый знакомый казался вполне нормальным и спокойным, а поговорить с кем-то мне сейчас бы очень не помешало. Мы вышли в гостиную и устроились на одном из диванов. Трой по возрасту казался старше меня, но открытая мальчишеская улыбка делала его моложе, несмотря на густую щетину. Он был одет в кафтан из бархатной дорогой ткани модного покроя, да и вообще весь его вид и манеры говорили о высоком положении.

— Мрачновато тут, не находишь? — спросил он. — Я тут со скуки умираю, хорошо хоть от заклинаний сплю много... Поговорил со смотрительницей нашей, она и рассказала о тебе. Ну, что ты нормальная вроде.

Трой подмигнул и рассмеялся.

— Вот именно, что вроде, — ответила и тоже невольно улыбнулась. — А ты давно здесь?

— Две недели, а остальные дольше. Здесь все просто чокнутые, можешь мне поверить... Вот взять моего соседа, Райана. Он у Имперской гавани живет, состоит в рыбачьей артели. Так вот, этот чудак вообразил, будто стал аристократом. Заперся в комнате на три дня и не выходил. Начальник артели ходил, ходил, а потом рассказал все его родителям. Дверь выломали, а Райан там еле живой. Ничего не ел три дня, не пил и даже не спал. Еле откачали... А когда расспрашивать стали, сказал, что ему показалось, будто развлекается он на балу во дворце Императора дни и ночи напролет. С девицами роскошными танцует, яствами да винами заморскими балуется... Вот его сюда и отвели от греха подальше. Мать часто приходит, плачет. А Райан сидит целыми днями, молчит и хмурится. Видно, не по праву реальная жизнь-то.

— Вот как бывает, — пробормотала я. — Ничего себе...

— А соседка твоя, Мэй... Вообразила, значит, что у нее ребенок есть, сын. Люльку купила, распашонки там, ползунки... Ну все, что малышу положено. И ходит счастливая такая, все про ребенка говорит. А все вокруг знают, что не рожала она вовсе, а муж ее год назад умер. Отец пришел к ней, давай расспрашивать про малыша, а Мэй на пустую люльку показывает, качает ее, колыбельную поет. Ну, отец объяснить попытался, что ребенка-то и нет никакого, а она в истерику тут же. Еле притащили сюда...

— Как страшно... А вторая девушка?

— А Карэн с чего-то решила, что она безобразна. Говорит, шрам у нее через все лицо и морщин полно. Молоденькая совсем, лет восемнадцать, из богатой семьи. В академию поступила, поклонники были... Что случилось, вообще не понятно!

Слов нети, как меня впечатлили рассказы Троя. По сравнению с внутренними демонами друзей по несчастью, мои казались не такими уж и страшными. Подумаешь, жениха себе выдумала...

— Трой, а откуда ты столько подробностей знаешь?

— Так они ведь не всегда такие неразговорчивые. Вот вернется господин Шерман, и снова в себя придут. Его ритуалы хорошо помогают, только вот эффект недолгий. Пройдет время, и снова в иллюзии свои возвращаются. Целители все никак причину понять не могут...

— А господин Шерман... Он какой? — осторожно спросила, стараясь не выдать излишней заинтересованности.

— Очень сильный доринг, в ковене состоит. Да и просто очень хороший и душевный человек... А ты, Корделия, почему здесь?

— Можно сказать, тоже придумала несуществующую жизнь, — ответила уклончиво.

Хоть Трой мне и нравился, откровенничать все же не хотелось.

— Это, похоже, сейчас самая распространенная болезнь, — заметил мужчина, грустно улыбнувшись.

В комнату вошла смотрительница, позвала нас ужинать и отправилась собирать остальных пациентов.

— Зато кормят тут очень хорошо, — сказал Трой, весело подмигнув.

Он хотел уйти, но я удержала.

— Трой, а ты... почему здесь?

Мужчина обернулся, посмотрел на меня странным долгим взглядом, а потом сказал:

— Я жену свою убил.

Эти страшные слова были произнесены так просто и буднично, словно речь шла о каком-то незначительном пустяке. У меня мурашки побежали по коже. Трой разом перестал казаться милым и симпатичным. Боги, куда же я попала?

Интересный случай

Раздался вежливый стук в дверь, и в кабинет вошел Шерман Стонфилд собственной персоной. Он как обычно тепло поприветствовал коллегу и улыбнулся, устраиваясь в любимом кресле. Лаура в очередной раз почувствовала, как ее отпускает напряжение при возвращении главы заведения. Когда Шерман был на месте, казалось, что все под контролем, и даже пациенты становились спокойнее. К тому же, руководящая должность в его отсутствие тяготило целительницу, ведь излишняя ответственность немало портила ей нервы, так что в пору было присоединяться к здешним постояльцам.

— Ну, как у нас дела? — спросил Шерман. — Надеюсь, никаких происшествий?

— Нет, к счастью! — воскликнула Лаура, всплеснув руками. — Справляемся потихоньку. А вы как съездили?

— Ерунда, — отмахнулся с досадой доринг. — Эти конференции в ковене совершенно бесполезны и отнимают время только. Я поймал себя на мысли, что ужасно скучаю по этому месту. Не находите, Лаура, что у нас особая атмосфера?

Никакой особой атмосферы пожилая целительница не замечала, да и восторгов начальника не разделяла, поэтому просто пожала плечами в ответ.

— Знаете, есть мнение, что мы рано или поздно станем такими же, как и наши пациенты.

— А вот это вполне возможно, — ответила женщина. — Мне иногда кажется, что я тоже начинаю потихоньку сходить с ума. Ну ничего, светлейший, вы ведь обязательно меня вылечите.

— Если это будет в моих силах, — усмехнулся Шерман.

Лаура рассматривала мужчину и в очередной раз думала о том, какой же он красивый, статный, да и воспитанный очень, обходительный. И чего не женится никак? Будь у целительницы дочь, она бы все сделала, чтобы отхватить такого завидного жениха. Вот только боги подарили Лауре двух сыновей, которые уже были счастливо женаты, а целительница с удовольствием нянчила внуков. Но это не мешало женщине размышлять о личном счастье собственного начальника.

Мужчина ведь не может быть один, всем нужна рядом дорожка половинка. А он даже на симпатичных целительниц не заглядывается, со всеми всегда вежлив, но держится на расстоянии. Пару раз Лаура видела его с какой-то барышней, но сразу поняла, что ничего серьезного. Среди персонала ходили слухи, что Шерман еще в молодости собирался жениться, но что-то сорвалось, и с тех пор мужчина с головой ушел в работу. А ведь и сорока

еще нет, должность высокая, да и хорош собой. Лаура сама видела, как женщины на него реагируют. Была бы помоложе, сама наверняка бы присмотрелась... А он все медлит чего-то.

— Как там наши любимые пациенты? — спросил Шерман, подходя к окну.

На улице, в специально огороженном месте прогуливались пациенты из самого тяжелого отделения. На них всех были одеты специальные костюмы из тонкого сетчатого материала, удерживающего магию. Такой наряд сдерживал безумцев, не давая навредить себе и другим. Однако Шерман явно спрашивал не о них. Уже некоторое время любимыми пациентами всего персонала стали обитатели отделения легких нервных расстройств. Очень интересный случай... Люди больные и здоровые одновременно, как бы странно это ни звучало.

— Без изменений, — ответила Лаура, вздохнув. — После последнего ритуала лучше было, а потом опять все заново. Такое впечатление, что эти люди магию рассеивают, уничтожают ее, честное слово! Мэй снова плачет, сына повсюду ищет. Карэн зеркал боится, как огня. Райан требует позвать Императора, называя его лучшим другом. А Трой...

— Как всегда? Убил?

— Конечно. Зато он самый счастливый из них, веселый. Не знаю уж, чем ему так бедная жена насолила...

— Лаура, я уже голову сломал, все думал о них, — сказал Шерман, садясь рядом с целительницей. — Ну как еще провести ритуал? Ведь по всякому уже пробовал...

— Может, сначала с аурой поработать, залатать ее, — предложила целительница.

— Похоже, в ауре все дело. Она словно отражает целительную магию, не дает рассудку покинуть мир грез.

— Значит, они сами не хотят возвращаться в реальность.

— В этих случаях есть нечто общее, странное, — задумчиво проговорил Шерман. — Четыре человека...

— Уже пять, — сообщила Лаура.

— Вы не шутите? — изумился Шерман.

— Какие уж тут шутки, — ответила целительница, протягивая мужчине исписанную карточку. — Корделия Саури, двадцать шесть лет...

— Саури? Это не то семейство, что владеет швейными мастерскими?

— Именно. Привела ее сестра... Неприятная барышня, хочу вам сказать... Впрочем, не важно. Симптомы вроде совпадают с нашими любимыми пациентами...

— А в чем отличие? — заинтересовался Шерман.

— Корделия, в отличие от остальных, прекрасно осознает, что ее видения нереальны, и истерик не устраивает. Вот только я не обнаружила болезни и видимых причин произошедшего, поэтому и определила ее в то же отделение.

— «Нервное расстройство неустановленных причин», — прочел Шерман в карточке. — Мы с вами прямо-таки изобретаем новые диагнозы.

— Уже пять человек, — заметила Лаура. — Похоже на эпидемию, как считаете?

— Будем молиться всем богам, чтобы это было не так... Значит, видения... — задумчиво проговорил доринг, продолжая изучать карточку новой пациентки. — Мужчину видела... Приходил, дарил цветы... Оригинально!

— Да, и такое бывает, оказывается. Думаю, все дело в душевном состоянии. Ну, знаете, лет уже много, не замужем, шансов все меньше...

— Много лет? — удивленно переспросил Шерман. — Вы тоже верите в эти дурацкие условности?

— Ох, бросьте, светлейший! Это для вас, мужчин, условности, а для женщины...

— Ладно, давайте-ка посмотрим на Корделию. Приведите ее, пожалуйста, в мой кабинет.

Оказавшись на своем рабочем месте, Шерман окончательно расслабился и в очередной раз понял, что любит свою работу несмотря ни на что. В ожидании новой пациентки, доринг полистал бумаги, скопившиеся на рабочем столе за время его отсутствия, заварил любимый крепкий чай, который всегда помогал ему включаться в работу, думать, искать выходы даже из самых безнадежных ситуаций... И мысли его вновь вернулись к пациентам из отделения нервных расстройств. Интересный случай, но и очень сложный. Когда человек повреждается рассудком, по-настоящему сходит с ума — это страшно, но в то же время понятно. Это такая же болезнь, только страдает не тело, а душа. А вот если болезни никакой нет... Можно было бы объяснить все магическим воздействием, но кому понадобилось заколдовывать этих людей? Таких разных, особо ничем не примечательных...

Дверь открылась, и в кабинет вошла Лаура, держа за руку девушку... Шерман сам не понял, как ему удалось удержать в руках чашку. Он буквально застыл, рассматривая гостью, не в силах отвести глаз. Она сказала что-то, поздоровалась, кажется...

— Вот, светлейший, это Корделия Саури, — сказала Лаура, мягко подтолкнув девушку к креслу, в котором обычно сидели пациенты на осмотре.

Шерман так и остался стоять, следя за каждым жестом гостьи, и все ему виделось словно в замедлении. Было ощущение, что воздух вокруг стал густым и тягучим, словно патока... Не зря он сегодня говорит о том, что целители рано или поздно сами повредятся рассудком... Помнится, в детстве Шерман читал сказки о лесных нимфах — дивных легких созданиях, которые способны были заморозить мужчину с первого взгляда. Сейчас доринг уверился в том, что перед ним именно она — прекрасная волшебная нимфа.

— Светлейший? — позвала Лаура. — Я могу идти?

Голос коллеги подействовал на мужчину отрезвляюще.

— Да, Лаура, спасибо...

Шерман поставил чашку, медленно обошел стол и сел напротив Корделии. Девушка взглянула на него, а потом быстро опустила глаза, но доринг успел разглядеть в них усталость, тоску, обреченность. Удивительные серые глаза, в глубине которых плескалось серебро... Девушка казалась сонной и вялой, что было вполне естественными последствиями успокоительного заклинания... Но Шерман все равно не мог отвести от нее глаз! Стройная, миниатюрная, белокожая, а на щеках нежный румянец... Длинные светлые волосы заплетены в косу... Шелковое медовое платье подчеркивало все изгибы прекрасной фигуры... Шерман никогда не дал бы ей двадцать шесть лет! Светлая, невесомая... нимфа...

У Шермана никогда не было проблем с общением, но сейчас он молчал, сясь подобрать слова. Мысленно призвал себя к порядку, попытался заставить себя думать трезво. Он ведь доринг, и не в его правилах растекаться перед пациентками. Можно подумать, девушек красивых не видел... Мужчина встал, сделал пару глубоких вдохов и отхлебнул горьковатого чая. Кажется, разум начинал проясняться.

— Меня зовут Шерман Стонфилд, — зачем-то представился он, снова садясь напротив девушки.

— Мне очень приятно познакомиться с вами, светлейший, — тихо произнесла

Корделия, взглянув на него. — Спасибо за помощь...

— Я еще ничего не сделал, Корделия, — как можно мягче произнес Шерман и улыбнулся ей.

Девушка тут же вновь спрятала глаза и принялась нервно тереть оборки на платье.

— Давайте поговорим о том, что случилось, — предложил доринг. — Расскажите все по порядку.

Корделия вздохнула, словно собираясь с мыслями, и заговорила негромко и сбивчиво:

— Это началось пару недель назад. Я работала, как обычно... Знаете, у нас семейное дело — швейные мастерские. Больше всего времени я провожу в самой крупной из них, что на Центральной улице. Однажды вечером вышла на улицу, а там мужчина... Сказал, ждет меня давно. Я испугалась, конечно, уйти хотела, а он следом пошел. Говорил, что видел меня здесь часто, познакомиться хочет... Я не согласилась, ушла, а на следующий день снова его увидела. Сказал, что зовут его Джеральд, что живет неподалеку, служит в императорской страже.

— Даже так? — изумился Шерман. — Какие подробности... Вы кому-нибудь рассказывали о нем?

— Нет, никому... Подруг у меня нет особо, а с сестрой мы не ладим... Вот только однажды швеям в мастерской проговорилась. Джеральд каждый день приходил, цветы дарил. Мы гуляли немного, а потом он уходил... Говорил, что служба, даже домой не провожал.

— У вас не было сомнений в реальности происходящего?

— Нет, что вы! Я даже подумать не могла...

Корделия замолчала, и в ее глазах блеснули слезы. Шерман испытал почти непреодолимое желание обнять ее и утешить. Как же случилось, что она одна? Ведь одиночество едва ли не довело ее до безумия!

— Сестра увидела букеты и решила выяснить, что это за мужчина, — продолжила Корделия. — Я ей ничего рассказывать не стала, и она стала расспрашивать работниц. Оказалось, никто из них Джеральда не видел, хотя это было странно, ведь он даже в мастерскую иногда заходил. А еще она выяснила у цветочницы, что торгует по дороге к нашему дому, что я каждый день сама покупала букеты! Это... это просто ужасно. Не знаю, как так вышло... Не знаю, почему мне все это привиделось...

— Мы во всем разберемся, обещаю, — мягко проговорил Шерман, подходя к ней.

Чтобы провести диагностику, необходимо было прикоснуться к ней. Это одновременно радовало и волновало доринга, а руки дрожали. Мужчина в очередной раз обругал себя за несвоевременную реакцию. Ведь не мальчик уже давно, взрослый мужчина, а, значит, должен мыслить здраво. Он целитель, а Корделия — пациентка! Пусть и выглядит, словно волшебная нимфа...

Шерман протянул руку, коснувшись кончиками пальцев волос девушки...

— Вы позволите мне? — зачем-то спросил, разглядывая ее тонкий профиль.

— Конечно, светлейший, — прошептала Корделия и закрыла глаза.

Доринг положил ладонь на затылок девушки и попытался сосредоточиться, высвобождая магию. Это оказалось непросто. Так не вовремя возникшая симпатия мешала, направляя мысли совсем в иное русло. Но Шерман взял себя в руки и зашептал заветные слова заклинания.

Лаура была права — никаких признаков душевной болезни доринг не обнаружил, а вот

аура была очень странной. В ней не было повреждений, наоборот, она словно недавно полностью обновилась, не оставив в себе следов повреждений. Такое было невозможно для взрослого человека. Каждый поступок, каждое происшествие оставляет на ауре свой отпечаток, а уж душевная боль и подавно. Похоже, еще один интересный случай...

Будни в мире грез

Обычно при виде красивых мужчин у меня возникали одни и те же мысли. Я думала о том, что какой-то женщине очень повезло. Причем зависти я не испытывала, а лишь странную радость за эту неизвестную мне женщину, а еще грусть... Ведь есть они, такие красивые, воспитанные, успешные, так почему же мне никак такой не встретится?

Вот взять Шермана Стонфилда... Ведь не мужчина, а мечта... Высокий, подтянутый, с темно-русыми волосами и серыми глазами. А улыбается как... Что-то есть в его взгляде... Манящее, притягательное... Словно он постоянно думает о чем-то хорошем, но не решается сказать. И видно, что он правда заинтересован в помощи, что ему не все равно до моих проблем. Повезло же его жене... А в том, что эта самая жена существует, я почти не сомневалась. Не может такой мужчина быть один.

Когда доринг зашептал заклинание, я, кажется, задремала. Мне привиделся пляж с золотистым песком, море и солнечные блики, играющие на волнах. А еще мелодия... Такая заунывная, навязчивая... Уже несколько дней меня преследует. Я принялась напевать ее, раскачиваясь из стороны в сторону...

— Корделия!

Реальность обрушилась на меня, словно болезненный удар. Хотелось остаться на том золотом пляже и никогда больше не возвращаться в настоящую жизнь. Шерман стоял передо мной, склонившись, сжимая ладонями плечи.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, смотря с тревогой в мои глаза.

— Голова немного кружится, — призналась я.

Смотреть на мужчину я решительно не могла. Он казался мне слишком... нет, не то, чтобы красивым... Было в нем нечто магическое, наверное, связанное с его способностями. Возможно, со всеми магами так, не знаю, еще не приходилось с ними общаться так близко. Разве что с Лаурой, но рядом с ней ничего такого я не чувствовала. От Шермана веяло энергией — теплой, приятной, словно передо мной не обычный человек, а некая волшебная сущность, скрытая за людской личиной... О боги, о чем я думаю! Похоже, и вправду чокнулась!

— Это от успокаивающего заклятья. Вы не волнуйтесь, к вечеру пройдет, просто привыкнуть нужно.

Шерман пододвинул стул и сел напротив меня, очень близко, продолжая разглядывать, словно я сама тоже неведомое существо.

— Что со мной, светлейший? — тихо спросила я, разглядывая вышивку на его жилете, который виднелся из-под удлиненного черного пиджака.

— Не могу вам сказать пока.

— Я сумасшедшая? — спросила, решившись взглянуть в его глаза.

У меня тут же мурашки побежали по коже, а щеки запылали. Мужчина смотрел так,

словно я... словно...

— Вы не сумасшедшая, будьте уверены, — произнес он. — Просто мне нужно понять, что породило ваши видения. Может быть, душевное состояние, а может, воздействие извне... Скажите, вас беспокоит одиночество?

— Вы о чем? О мужчинах? Наверное... Да, беспокоит...

— Человек — очень сложное существо. Сознание иногда подкидывает такие сюрпризы, что впору романы писать. Возможно, ваши внутренние переживания и вылились в видения.

— Такие реальные? — удивилась я.

— Это же ваше сознание, — пояснил Шерман. — Вы считаете реальным все, что оно создает... Знаете, Корделия, я бы хотел, чтобы вас осмотрел еще один доринг... независимый. Ну, чтобы выводы были более объективными. Вы не против?

— Как скажете, светлейший.

Мне показалось, что Шерман сказал мне не все. Ему явно что-то не понравилось в моем состоянии, но посвящать меня в подробности он явно не собирался. Я же не хотела расспрашивать, опасаясь, что он скрывает от меня нечто страшное. Я пока не готова была это услышать и предпочла побыть в неведении. В чем плюс безумия? Можно побыть в выдуманном мире хоть недолго...

— Мне кажется, вы правы, светлейший, — произнесла я.

Казалось, что я привыкла немного к его энергии и уже могла смотреть на него хотя бы по несколько секунд, а в другое время притворяться, будто меня очень интересует обстановка его кабинета.

— Знаете, этот мужчина... Ну, которого выдумала... Мне ведь сразу казалось, что он не может быть реальным. Он говорил то, что мне хотелось, был таким, каким я выдумывала себе идеального мужчину.

— Значит, солдат императорской стражи? — уточнил Шерман, улыбнувшись.

— Мне очень нравится их форма. Красивая очень...

Мы улыбнулись друг другу, а я сама себе удивилась. Надо же, как разоткровенничалась с ним. Вроде стеснялась, и неловко было, а поговорить хотелось. Казалось, что именно Шерман сможет понять меня и помочь на самом деле.

— Как вам у нас? Хорошо устроились? — спросил Шерман после некоторой паузы, будто искал способы продлить наше общение. — Соседи не донимают?

— Все хорошо, — ответила я. — Соседи странные, конечно... Хотя, я ведь и сама такая, так что компания вполне подходящая.

— Вы обращайтесь ко мне, если что... В любое время.

В любое время... Хорошо бы... Прийти просто так, поговорить, искупаться в лучах его чудной энергии. Все-таки замечательный мужчина... Я бы еще побыла рядом с ним, хоть целый день бы торчала в кабинете, но в коридоре уже толпились мои соседи. Вот плачущая Мэй, угрюмый молчаливый Райан, а еще Карэн, упорно закрывающая лицо волосами, ну и веселый приветливый Трой, которого я начала бояться после неожиданного откровения про жену. А ведь еще у Шермана есть другие отделения, где обитают экземпляры намного хуже... Да уж...

Я по-прежнему плохо себя чувствовала. Голова просто раскалывалась. Вернувшись в свою комнату, залезла на подоконник и с наслаждением прильнула пульсирующим виском к холодному стеклу. Безделье просто меня убивало. Почитать бы что-нибудь, но эта ужасная головная боль... Боги, как же я дошла до такой жизни? картина наверняка уже

растрезвонила по всему городу о том, что ее любимая сестрица сошла с ума. Какой позор... Еще и подробностей наверняка напридумывала душераздирающих! Ох, пусть бы мне побольше успокаивающей магии прописали, чтобы забыть все, что случилось. Эти ложные воспоминания о несуществующих отношениях такие яркие, а самое ужасное в том, что они самые приятные за всю мою жизнь. По сути мне больше и вспомнить-то нечего, что бы радовало душу. Нужны новые впечатления, реальные, приятные, вот только где их взять? Какие впечатления могут появиться в Доме скорби? Разве что полюбоваться украдкой на доринга...

— Здравствуй! Ты ведь Корделия?

Передо мной стояла Мэй. Она улыбалась, что меня весьма удивило, да и вообще выглядела посвежевшей, хотя глаза все еще были красными от слез.

— Здравствуй, — ответила я, улыбнувшись. — Можешь звать меня Лией, так удобнее.

— Тоскливо здесь... — произнесла девушка, устраиваясь рядом со мной на подоконнике. — Особенно после приема у светлейшего Стонфилда... После его обрядов у меня будто глаза на мир открываются. Домой так хочется... А тебе?

— Домой... — задумчиво повторила я. — Хорошо бы... Был бы дом настоящий, мой, где меня ждут.

— Меня папа ждет, — с улыбкой сказала Мэй. — А еще у меня есть... есть...

Девушка нахмурилась, задумавшись о чем-то, вспоминая.

— Ты обязательно вернешься домой, — мягко сказала я, глядя ее по плечу.

— Спасибо, ты хорошая, а Карэн все ревет и ревет... Я бы тебя обязательно с сыном познакомила! Ой... У меня ведь нет сына...

Я не знала, что ей сказать. В девушке словно боролось два мира — реальный и вымышленный. Она молча пересела на свою кровать, достала из комода вышивку. Присмотревшись, я увидела, что вышивает она детскую распашонку. Тем временем в комнату вернулась Карэн, тихо поздоровалась с нами. Подойдя к зеркалу, принялась причесываться, а потом собрала длинные волосы в красивую высокую прическу, заколов золотыми шпильками. Мне, наконец, удалось разглядеть ее лицо — девушка оказалась очень миленькой, с тонкими чертами, зелеными глазами. И откуда только взялась ее странная одержимость собственной внешностью? Но, похоже, лечение доринга Стонфилда все же действует.

Через некоторое время в комнату заглянул Трой и позвал меня прогуляться в саду. Мне не хотелось показывать ему, что я его опасаюсь, поэтому я согласилась. Мужчина как обычно был разговорчив и улыбчив, и я никак не могла поверить, что этот человек способен на убийство. Если бы это было так, Трой давно бы уже обитал в столичной тюрьме, а не в отделении легких нервных расстройств. Неужели очередная странная фантазия, как и у остальных? Может, тоже ложное воспоминание? Странно, что это его совсем не волнует и не трогает. Для всех моих соседей одновременно существует два мира — реальный и воображаемый. Проблема в том, что они считают оба мира реальными и балансируют между ними. Остается порадоваться, что я сама прекрасно осознаю, что Джеральда на самом деле не было...

Ближе к ужину за мной пришла Лаура и вновь отвела в кабинет Шермана, но там меня ждал незнакомый мужчина. Оказалось, это и был тот самый независимый эксперт — доринг, о котором говорил Шерман. Мужчина представился Данте Мэйверсом. Он поговорил со мной немного, провел диагностический ритуал. Я заметила, что в присутствии

этого мужчины я не испытываю таких странных чувств, как с Шерманом. Нет ощущения теплой энергии, хотя Данте оказался очень доброжелательным. Что доринг увидел в моей ауре, он так и не сказал, но по его глазам я поняла, что нечто интересное. Ладно, завтра обязательно поговорю с Шерманом и все выясню. Он ведь сказал, в любое время...

— Я не вижу никаких серьезных отклонений, — сказал Данте. — Наверняка переживали о чем-то, не берегли себя, работали много... Отдохнуть вам надо, а еще побольше радостей.

Радости... Еще бы подсказал, где их взять...

— Светлейший, скажите, у вас есть семья?

— Есть, — ответил доринг. — Жена Амари и маленькая дочка Милена.

— Это замечательно. Вы счастливый человек.

Данте посмотрел на меня с пониманием.

***

Когда Шерман вернулся в свой кабинет, Данте сидел за его рабочим столом, взгромоздив ноги прямо на него. Такую вольность доринг мог простить только лучшему другу.

— Ну, что скажешь о Корделии? — спросил Шерман.

— Симпатичная девушка, — ответил Данте, хитро глядя на друга.

— Я вообще-то не об этом, — раздраженно произнес доринг.

— А я думаю, что как раз об этом. Знаешь, Шерман, ты ведь ни разу в жизни не просил меня осмотреть ни одного своего пациента. Что особенного в Корделии?

— Вот ты мне и скажи, — попросил Шерман, улыбнувшись.

— Да, аура у нее интересная, конечно... Стерильная, я бы сказал.

— Значит, я не ошибся. Как думаешь, отчего так?

— Версий может быть много, но лично у меня сложилось мнение, что кто-то пытался замести следы магического воздействия. Или что-то...

— Интересно...

Шерман взял карточку Корделии и сделал в ней пометку, что сам лично будет контролировать ее лечение. Нимфа... Может, она и вправду волшебное создание, а не человек?

Разговоры и потрясения

Шерман сказал, что я могу приходить, когда захочу... Вот сейчас соберусь и пойду, тем более, сегодня мое самочувствие явно пошло на поправку. И голова не болит, да и вообще

как-то не совсем уже мрачно. Соседки больше не ревели хором в три ручья, а мило беседовали, да и в целом оказались весьма приятными девушками. Я же прислушалась к себе, оценила свое состояние и сделала вывод, что если и существует во мне безумие, то оно точно не усугубилось. Все вокруг явно настоящие, никаких новых странных людей не появилось... Никто не стремится за мной ухаживать и дарить цветы.

С грустью посмотрела на себя в зеркало: медовое платье уже пора было сдать в прачечную, все-таки ношу его уже несколько дней. Но во что переодеться? В то убожество, что собрала для меня милая сестричка? Похоже придется все-таки отпроситься в город... С одной стороны в таком месте вроде бы наряды не имеют значения, но с другой... Думаю, что стремление ухаживать за собой — это одно из условий, что отличает меня от настоящих сумасшедших. Вздохнув, переделалась в запасное платье и критически осмотрела себя. Наряд неплохо сидел, да и сшит был качественно, вот только серый цвет и грубая ткань, неприятная телу, портили впечатление. Ладно, не соблазнять же я отправляюсь доринга...

После обеда отправилась в соседнее здание к Шерману. Сегодня меня никто не сопровождал, что еще больше создавало иллюзию моей нормальности. Осторожно постучалась в дверь знакомого кабинета и, получив разрешение, вошла. Доринг сидел за столом и что-то увлеченно писал. Я подошла к нему почти бесшумно, боясь помешать его мыслям. У мужчины был такой сосредоточенный вид, брови сдвинутые, но от этого он вовсе не казался суровым, а мне стало как-то спокойнее от его присутствия.

Шерман взглянул на меня, и в его глазах мелькнуло удивление. Он вскочил, с шумом отодвинув стул, сделал пару шагов ко мне.

— Здравствуйте, светлейший, — тихо сказала я. — Извините, что помешала...

Под пристальным взглядом мужчины я смущалась и не знала, куда деть руки. Состояние мое усугублялось еще тем, что я не могла понять, смотрит ли он на меня, как на пациентку с непонятным диагнозом, или как на женщину... Как бы мне хотелось понравиться Шерману, как бы хотелось хоть немного почувствовать симпатию со стороны мужчины.

— Вы вовсе не помешали, Корделия, — произнес он с улыбкой. — Я надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

— Да, спасибо, сегодня гораздо лучше. Мне хотелось бы...

Я осеклась, разом потеряв мысль, потому что Шерман приблизился на опасное расстояние и погладил меня ладонью по щеке. Его кожа казалась шершавой, но прикосновения оказались необычайно приятными. Я затрепетала, и мне с трудом удалось призвать себя к порядку и напомнить, что прикосновения — это неотъемлемая часть целительских манипуляций. Последние остатки моего недомогания испарились без следа.

— Вот так гораздо лучше, — сказал доринг. — Вечером обновим успокаивающее заклинание. Обещаю, вам больше не будет плохо.

Я рассеянно кивнула, смотря на Шермана, снова ощущая его обволакивающую теплую энергию, а еще... Близость этого мужчины будоражила и смущала одновременно. Так хотелось быть красивой, но ощущение грубой ткани под ладонями не давало забыть, как я выгляжу. Если бы не дурацкое платье!

— Спасибо, светлейший... Я бы хотела поговорить с вами, если... если у вас есть время, — пробормотала я, а он тут же мягко взял меня под руку и усадил на диван.

Сам Шерман сел чуть поодаль, благо размер мебели позволял. Он откинулся на мягкую спинку дивана и выжидающе посмотрел на меня. Я же примостилась на самом краешке, сложив руки на коленях, словно благовоспитанная юная девушка... Это все издержки

одинокства — каждый мужчина воспринимается как потенциальный поклонник, что нимало мешает общению.

— Вас что-то беспокоит, Корделия?

— Я бы хотела узнать, что вы думаете о... моем случае. Вчера приходил светлейший Мэйверс, но он не сказал ничего определенного.

Шерман вздохнул.

— Я понимаю... Скажу вам сразу, что Данте тоже не нашел у вас душевной болезни, но вот ваша аура...

— Что с ней? — насторожилась я.

— Не буду утомлять вас подробностями... Мы считаем, что было какое-то магическое воздействие, не оставившее следов. От того и ваши видения.

— Очень странно. В моем окружении нет магов.

— Но кто-то может желать вам зла?

— Может, — ответила я, усмехнувшись. — Но я не могу поверить, что она способна на такое...

— Вы говорите о своей сестре? — спросил Шерман, придвинувшись ко мне.

— Да, — нехотя призналась я. — Сама не знаю, чем заслужила ее ненависть. Но магическое воздействие...

— Корделия, сейчас я ничего не могу сделать для вас, кроме как наблюдать за вашим состоянием. Я все обдумаю, проанализирую все и составлю целительский обряд... Просто проблема в том, что я пока не знаю, от чего вас лечить. Ваша аура в идеальном состоянии, а природу воздействия, если оно было, я не могу пока определить.

— Безнадёжная пациентка? — спросила, грустно улыбнувшись. — Но вы ведь... вы ведь не позволите мне остаться здесь?

— Что за вопросы, Корделия?

Шерман взял меня за руку и накрыл сверху ладонью. Я почувствовала, что его руки дрожат.

— Я все сделаю, чтобы помочь вам, поверьте, — вкрадчиво произнес мужчина, и от его голоса у меня мурашки побежали.

— Я так благодарна вам, светлейший, — пробормотала, быстро вставая. — Пойду, пожалуй... Хорошего вам дня.

Даже не расслышала, что Шерман ответил. Очнулась уже в саду. Поспешила в свой корпус, без конца потирая руку, к которой прикасался доринг.

— Ты чего румяная такая? — спросила Карэн, увидев меня.

— Да так... я...

— Все женщины так на него реагируют.

— Ты о ком? — насторожилась я.

— О светлейшем Шермане, конечно, — ответила девушка и хитро улыбнулась. — А вот он ни на кого не смотрит... Хотя ты такая миленькая, что он вряд ли устоит. Если бы мне быть такой...

Карэн нахмурилась, быстро ощупала ладонями свое лицо, потом бросилась к зеркалу и принялась себя рассматривать. Молоденькая красивая девушка завидует мне — взрослой одинокой женщине... Похоже, я все-таки сойду здесь с ума рано или поздно.

Ушла в общую комнату, оставив Карэн наедине с ее тараканами. Боюсь, у меня и своих достаточно... Хотелось побыть одной и подумать. К счастью, остальные обитатели корпуса

куда-то разбрелись. Мрачный Райан наверняка сидел в мужской комнате, откуда почти не выходил, Мэй гуляла в саду, а Трой болтал с молоденькими смотрительницами. Мне же лучше... Я с наслаждением прилегла на диван и закрыла глаза. Все-таки в безделье тоже есть свои плюсы.

Похоже я задремала, и снилось мне что-то странное. Какая-то суматоха, все кричат, бегают... Очнувшись, поняла, что шум и крики на самом деле доносятся из коридора. Приоткрыв дверь, увидела странную картину. Посреди коридора стояла испуганная растерянная женщина в нарядном зеленом платье и роскошной шляпке, украшенной живыми цветами. Еще я увидела Троя, который кричал и бился в судорогах, а две смотрительницы пытались его успокоить.

— Убирайся! Исчезни! Ты не она... не она!

Других слов Троя я разобрать не смогла. Хотела бежать за помощью, но мужчина вдруг ударил одну из девушек, рванувшись изо всех сил. Я бросилась на помощь к смотрительницам, просила Троя успокоиться, но он ничего не слышал. Незнакомка в зеленом платье тоже что-то кричала, хватала его за руки, но от ее присутствия он еще сильнее бушевал. Трой сильно толкнул меня, и я отлетела к стене, больно ударившись рукой. А по коридору к нам уже бежал Шерман с двумя мужчинами-целителями, которые скрутили Троя. Доринг обхватил его голову руками, и мой сосед разом обмяк и замолчал.

Гостья, на которую так бурно отреагировал Трой, помогла мне встать на ноги. Не то, что бы я сильно ударилась, просто ситуация шокировала меня. Я бы ожидала подобных взрывов от кого угодно из пациентов, но только не от веселого Троя. Незнакомка плакала и без конца повторяла:

— Это я виновата... я во всем виновата...

Целители увели куда-то Троя, который еле ноги переставлял, а Шерман за что-то отчитывал смотрительниц. Затем доринг бросил хмурый взгляд на плачущую женщину и произнес укоризненно:

— Я же просил вас не приходить!

— Простите, светлейший... Я надеялась, что ему стало лучше...

Шерман подошел к ней и взял за руку.

— Послушайте, госпожа Камилла, я очень прошу вас не приходить. Когда ваш муж поправится, я непременно сообщу.

Муж? Теперь я совсем не понимаю, что здесь происходит!

— Простите, — пролепетала Камилла, а потом снова повторила то же самое, взглянув на меня.

Потом женщина ушла, утирая слезы кружевным платочком. Напрасно я думала, что мне будет скучно в этом заведении... А Шерман принялся осторожно осматривать мою пострадавшую руку.

— И вам досталось, — произнес он, нахмурившись. — Да и испугались наверняка... Идемте.

И Шерман отвел меня в свой кабинет. Честно говоря, я этому даже обрадовалась. Если у всех моих соседей возможны подобные срывы, то мне, пожалуй, стоит находиться подальше от своего отделения.

— Второй раз за сегодня ты у меня в гостях, — сказал доринг, улыбнувшись.

Я притворилась, что не заметила его оговорку. Вот так неожиданно мужчина решил перейти на «ты». Я не возражала, а совсем наоборот — мне было приятно. Я села на краешек

дивана, а Шерман опустился передо мной на колени и стал лечить руку. Я смотрела на него и чувствовала, что сердце начинает биться чаще.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Сейчас боль уйдет, — шепнул он.

По коже прошло приятное покалывание, и боль тут же растворилась без следа.

— Спасибо, — прошептала я, встретившись с его внимательным взглядом.

Шерман поднялся, подошел к столу и налил в стакан какой-то напиток из хрустального кувшина.

— Этот чудодейственный настой готовит Лаура, — пояснил мужчина, протягивая мне стакан. — Помогает прийти в себя.

Я кивнула и попробовала напиток. Он оказался очень приятным на вкус и напоминал ягодный сок.

— Что случилось с Троем?

Шерман вздохнул и сел рядом со мной.

— Он всегда выходит из себя, когда приходит жена.

— Жена? — переспросила удивленно. — Но Трой говорит, что убил ее...

— Да, он почему-то совершенно уверен в этом. Трой и Камилла женаты уже десять лет. Вроде было все в порядке с ее слов, только с детьми не складывалось. Достаток в семье есть — Трой владеет частью компании по морским грузоперевозкам. В один прекрасный день он не отправился на работу, как бывало обычно, а взял лопату и принялся рыть яму в саду. На недоуменный вопрос садовника Трой ответил, что собирается зарыть тело жены. Садовник в ужасе бросился в дом, но, к счастью, нашел Камиллу в полном здравии. Убедить Троя, что его жена жива, так и не удалось.

— Он не узнает Камиллу?

— Совсем не узнает. Более того, когда видит ее, приходит в ярость. Я попросил Камиллу не навещать мужа и предупредил всех, чтоб ее не пускали. А сегодня дежурили новенькие смотрительницы, вот и пропустили...

— Это ужасно... Вы не знаете причину его состояния, ведь так?

— Не знаю, Корделия, — признался Шерман. — И у других тоже... Ни один из ритуалов не помогает, даже самый сильный.

Мужчина взглянул на меня и грустно улыбнулся:

— Наверняка ты думаешь о том, как ужасно, что тебе достался такой беспомощный целитель...

— Вовсе нет! — воскликнула я. — Вы такой... такой...

Я осеклась, не в силах подобрать слов.

— Я думаю совсем о другом, — поспешила поправиться я. — Страшно, что мне тоже станет хуже... Что я стану, как мои соседи — совсем растворюсь в иллюзиях.

— С тобой такого не будет, Корделия. Ты совсем другая.

Неприятный визит

Я пробыла с Шерманом допоздна. Даже не заметила, как время пролетело. Мужчина оказался очень интересным и приятным собеседником. Я слушала его, и даже забыла обо

всем плохом, что творится вокруг меня. За окном стемнело, но доринг зажег лишь один магический светильник, а потому в комнате царил полумрак, но я вовсе не стеснялась такой неоднозначной обстановки. Наоборот, она мне казалась вполне подходящей для неспешной беседы. К тому же, никаких двусмысленных намеков не было — всего лишь разговор двух людей, которым комфортно рядом.

Говорил в основном мужчина, потому что в моей жизни было мало чего-то, заслуживавшего внимания. Другое дело, жизнь доринга. Шерман рассказывал, как познакомился с Данте, как учил его. А однажды поехал вместе с ним и его будущей женой лечить жителей какой-то деревни, так их чуть не убили там. Да, после таких приключений никакие сумасшедшие не страшны.

Мне показалось, что Шерман и дальше бы согласился побыть в моем обществе, но было уже поздно, и приличия все же еще никто не отменял. Доринг проводил меня до корпуса, тепло попрощался и напоследок окутал легкой успокаивающей магией, чтобы сон был лучше. Признаться, я возвращалась в свою комнату с некоторым опасением, думая о дневном происшествии, но вокруг царила тишина и покой. Смотрительница дремала за своим столом, а из комнаты мужчин не доносилось ни звука.

Мои соседки еще не спали, негромко переговариваясь друг с другом, причем, вполне на нормальные человеческие темы, и я даже порадовалась за них. Хотя, зачем себя обманывать? Больше не за них, а за Шермана. Он так переживал, что его лечение не действует, и я переживала вместе с ним. И мне очень хотелось, чтобы у доринга все получилось.

А утром все началось с начала. Я проснулась от того, что Мэй плакала и просила помочь ей в поисках сына. Карэн же снова распустила волосы и завесила лицо. Райан кричал что-то неразборчивое так, что было слышно даже в женской комнате. Я прислушалась к себе с тревогой, но поняла, что чувствую себя очень даже хорошо. Выспалось прекрасно, голова не болит, да и вообще бодрость во всем теле. Не иначе волшебство Шермана помогло, чего не скажешь об остальных пациентах.

Я вышла в общую комнату подальше от слез и причитаний и обнаружила там Троя. Он сидел на диване и листал книгу. Вид у него был хмурым и сосредоточенным, чего раньше за ним не водилось. Впрочем, после вчерашнего я уже ничему не удивлялась. Тихо поздоровалась, и, услышав ответное приветствие, решила сесть с ним рядом. Он ведь с первого дня мне казался самым нормальным здесь, и мне очень не хотелось бы терять человека, с которым могу здесь легко общаться. Я все не решалась сказать ничего, но Трой заговорил первым:

— Я толкнул тебя вчера... Прости, пожалуйста.

— Ничего страшного, просто я испугалась за тебя. Ты был таким... взвинченным.

— Это все методы здешнего лечения, — сердито сказал Трой, резко захлопнув [книгу](#). — Доринги вообразили, будто помогут мне, если станут без конца подсовывать ее двойника!

— Твоей жены? — осторожно спросила я.

— Будто я не знаю, что ее уже нет! Я, может, и сумасшедший, но не до такой степени. Ума не приложу, как им удалось найти до такой степени похожую женщину...

Я осторожно придвинулась и дотронулась до его руки.

— Трой, послушай... — мягко произнесла я. — А вдруг твои воспоминания — лишь иллюзия? Поверь, я знаю, о чем говорю, ведь сама попала в ту же ловушку. Мне казалось, что все реально, но это оказалось не так...

— Нет, Лия, это не иллюзия, — устало и обреченно произнес Трой. — Я убил ее.

правда, убил... Я давно хотел этого...

— Но... почему? — растерянно спросила я.

Трой взглянул на меня, и на его лице отразилась напряженная работа мыслей.

— Лия, я... я не знаю...

Мужчина отложил книгу и быстрым шагом вышел из комнаты, оставив меня в недоумении. А тем временем пришел Шерман в сопровождении Лауры. Доринг выглядел расстроенным, лишь перекинулся со мной парой слов. Целители увели с собой трех неподдающихся лечению пациентов, и в корпусе воцарилась долгожданная тишина. Теперь ничего не мешало мне думать. Итак, пятеро людей, почти одновременно попавшие в Дом скорби с почти одинаковыми симптомами и непонятными причинами расстройства. Может ли это быть простым совпадением? А если не совпадение, то что это?

Мэй, Карэн, Трой, Райан... и я. Что между нами общего? Мэй — вдова, зарабатывающая тем, что нанимается в богатые дома нянечкой. Карэн — дочь богатых родителей, студентка. Трой — владелец судоходного предприятия, а Райан — простой рыбак. Совершенно разные люди на первый взгляд, не подозревающие о существовании друг друга до того, как очутились в отделении нервных расстройств. И все-таки должно быть нечто общее, но как это понять? Вот и Шерман бьется над этим вопросом.

А расстройства, несмотря на общность симптомов, тоже проявляются по-разному. Мы с Троем, например, полная противоположность друг другу. Я прекрасно помню Джеральда, но в то же время, осознаю, что все было нереально. Трой тоже помнит, что сделал с женой, и при этом до сих пор уверен в реальности произошедшего. Даже наличие живой и здоровой жены его не разубеждает. У него словно усугубленная версия моего расстройства.

Теперь возьмем оставшуюся троицу: у них как раз расстройство проявляется схожим образом. Они уверены в реальности иллюзии, живут в ней, испытывают сильные эмоции, но после целительских обрядов приходят в себя. Проблема в том, что эффект совсем не долгий — каких-то пара дней. На Троя же обряды вообще не действуют, а я... Для меня Шерман даже придумать его еще не может, а все из-за моей странной ауры.

И все же между нами должно быть что-то общее. Какая-то деталь, которая еще не всплывала... Если найти ее, то Шерман наверняка сможет все исправить. Если бы остальные подольше пребывали в здравом уме, если бы можно было поговорить, расспросить. Возможно, мне они бы рассказали больше, чем целителям...

Мои размышления прервала смотрительница, которая сообщила, что меня пришли навестить. Признаться, я совсем не обрадовалась этому. Вряд ли ко мне может прийти кто-то, кого я буду рада видеть. Честно говоря, таких людей-то на свете не осталось, похоже... Наверняка Мартина пришла позлорадствовать! Однако я очень удивилась, когда в комнату вошла тетушка Кресси собственной персоной — сестра моего покойного отца. С ней у меня никогда не было теплых отношений, да и ни у кого не было. Мама рассказывала, что Кресси очень рано вышла замуж, но муж бросил ее поле нескольких месяцев совместной жизни. После этого женщина обозлилась на весь мир, да и на людей тоже. Замуж больше не вышла, жила одна, да и вообще предпочитала компанию кошек, количество которых в ее доме уже не поддавалось исчислению.

— Здравствуй, Корделия, — произнесла Кресси, осматривая обстановку комнаты презрительным взглядом.

— Здравствуйте, тетушка...

В ее присутствии мне всегда было неловко. Высокая, худая, облаченная в черное

мешковатое платье и широкополую шляпу с разноцветными перьями... В этом заведении она смотрелась весьма органично, на мой взгляд. Я едва сдержала смехок, подумав об этом.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — вежливо предложила я.

Кресси даже не пошевелилась. Казалось, она думает, что тут от всего можно заразиться безумием.

— Значит, Дом скорби? Никогда бы не подумала... Впрочем, в твоей матери тоже было что-то такое... не от мира сего...

Я с трудом сдержалась, чтобы не расписать в подробностях, что есть в самой тетушке.

— Я вчера разговаривала с Мартиной, — продолжила Кресси, подойдя ко мне ближе. — Корделия, как ты посмела подписать часть своего наследства этой взбалмошной дурочке?

— Что? — удивленно переспросила я.

— Ты, видно, и впрямь умом повредила!

— Я ничего не подписывала... Она не могла все сделать так быстро!

— Ты в Доме скорби, забыла?

— Но я не больна... не больна!

— Мартина показала мне бумаги с твоей подписью! — со злостью сказала Кресси, хватая меня за руку. — Как ты могла их подписать? И после этого говоришь, что не больна?

— Я... я не знаю... — растерянно прошептала я.

— Ненормальная! Мартина вместе с муженьком-лодырем разбазарят все, что нажил мой брат! И в этом виновата только ты!

Кресси бросила на меня последний гневный взгляд и гордо удалилась, шурша кошмарным платьем. А я так и осталась стоять посреди комнаты в полном оцепенении. Я подписала какие-то бумаги? Не может быть... Если все так, то у меня совсем ничего не осталось... Мне даже и пойти будет некуда, если выпустят отсюда. Мартина нипочем не пустит меня домой! Расплакавшись, побежала в сад, долго сидела на скамейке под яблоней, все рыдала и рыдала. Я ведь не справлюсь с этим одна... Мне нужна помощь... срочно нужна помощь!

Так уж случилось, что положиться я могла лишь на одного человека, хотя мне было очень неловко взваливать на него свои проблемы... Заставила себя успокоиться и пошла к Шерману в соседний корпус. Столкнулась с ним в коридоре, и слезы хлынули с новой силой.

— Корделия, ты что плачешь? — растерянно спросил мужчина, а я даже слова из себя выдать не смогла.

Шерман шагнул ко мне, обнял и принялся гладить по волосам.

— Ну, полно, успокойся, давай поговорим, — просил он. — Идем ко мне, и ты все расскажешь.

В кабинете Шерман выдал мне чистый платок, чтобы утереть слезы, и стакан с чудодейственным напитком Лауры — набор первой целительской помощи. Мужчина сел рядом со мной, терпеливо дожидаясь, когда я приду в себя. Он смотрел встревожено и участливо, время от времени гладил меня по волосам, будто причесывая. Я кое-как рассказала ему о визите тетушки и о том, какую неприятную новость узнала. Шерман слушал и все больше хмурился.

— Твоя сестра все подстроила, — уверенно сказал он. — Возможно, ты и впрямь сама подписала, кто знает, какие у тебя еще были приступы... А, может, нашла недобросовестного поверенного.

— Что мне теперь делать? Кто теперь меня станет слушать, если я пациентка Дома

скорби?

— Послушай, Корделия, тебе нужно успокоиться, — сказал Шерман, приобнимая меня за плечи. — Даже хорошо, что твоя сестра оказалась такой подлой. Теперь я смогу кое-что выяснить законными методами.

Шерман говорил так спокойно и уверенно, что я тоже поверила в то, что для меня еще возможен благополучный исход.

— Что вы собираетесь делать?

— Навеститься в гости к Мартине. Я как главный доринг этого заведения обязан защищать всех своих пациентов, потому у меня есть право инициировать проверку действий твоей сестры. Возьму с собой знакомого констебля для значительности и хорошенько все разузнаю, заодно дом осмотрю — вдруг найду что-нибудь магическое.

— А так можно? — с сомнением спросила я.

— Можно, — уверенно ответил Шерман. — Мартине можно предъявить, что она воспользовалась беспомощным состоянием своей сестры, чтобы завладеть имуществом. Поверь, я придумаю, чем ее напугать.

— Спасибо вам... за все спасибо!

Доринг улыбнулся и погладил меня по щеке. Было что-то в его глазах... что-то такое, отчего мои мысли потекли совсем в другую сторону.

— Не плачь больше, договорились? — мягко сказал он.

Я, правда, больше не плакала. Я верила, что Шерман может мне помочь. В новой безрадостной жизни этот мужчина представлялся мне островком надежности и покоя. Вот только уснуть никак не удавалось. Думала о том, что сказала тетушка, думала о своих соседях, снова пыталась отыскать ту самую деталь... Отчаявшись заснуть, принялась бродить по корпусу, благо светильники в коридорах не гасили даже ночью. Подошла к окну и отдернула штору, чтобы полюбоваться луной. Она как раз была полной и хорошо освещала окрестности... Однако внимание мое привлекло совсем другое. В саду я увидела Шермана с какой-то женщиной. Я не смогла разглядеть ее хорошо, увидела лишь силуэт пышного платья и небольшой шляпки. Она что-то говорила Шерману, глядя ладонью его грудь. Мужчина обнимал ее одной рукой за талию... Я рывком задернула шторы и отвернулась. И чего я вдруг расстроилась? Было совершенно ясно, что такой мужчина не может быть один. А эти его жесты и разговоры — всего лишь забота о пациентке. Все нормально... По-другому и не должно быть... А все-таки грустно.

Поиски и находки

Настроение конечно же было отвратительным. Раздражало буквально все: соседи, еда, погода за окном, дурацкое серое платье. Я все думала о том, как так вышло, что все мое имущество переписано на Мартину. Неужели у нее хватило наглости подделать мою подпись? Она, конечно, та еще стерва, но это было бы слишком даже для нее. С другой стороны, Шерман прав... Кто знает, что у меня в голове творилось? Может, несуществующий жених — это всего лишь часть моего расстройства. Может, у меня не только появились видения, но и провалы в памяти?

Но не только подлый поступок сестры занимал мои мысли и нещадно портил

настроение. У меня из головы не выходила ночная сцена, которую я неожиданно подсмотрела. Доринг и очаровательная незнакомка... По-моему, это отличное название для сентиментального любовного романа. Интересно, кто она ему? Жена, любовница или же мимолетная связь? Интересно... Почему некоторым девушкам без труда удается завоевать внимание самого лучшего мужчины, а другим... А другие — такие, как я. Напридумывала себе всякой ерунды. Шерман просто очень добрый, заботится о пациентах, переживает за всех, отсюда и все его обманчиво нежные жесты. А я уже размечталась, глупая... Зачем ему ухаживать за собственной пациенткой? Это даже смешно.

А еще смешнее то, что личная жизнь доринга Стонфилда волновала меня гораздо больше, чем собственный абсолютный крах. Осознавать это было больно, и хотелось хорошенько встряхнуть саму себя, призвать к порядку. Прекрасно ведь знаю, как это ужасно — жить иллюзиями, и тем не менее, даже вернувшись в реальную жизнь, не могу от них избавиться. Так и до очередных видений не далеко...

Промаявшись весь день, поняла тщетность попыток выкинуть доринга из головы. Невольно начала искать повод для визита к мужчине, тем более что он не заходил в наш корпус целый день. Решение пришло само собой. Нарушение памяти — это ведь тоже своего рода болезнь, а потому у целителя наверняка должно найтись на этот случай парочка подходящих заклинаний. Может, что и прояснится насчет моей подписи на документах.

Убедив себя в том, что все это вполне разумно, да и вообще отличная идея, отправилась к Шерману. К моему сожалению, его в кабинете не оказалось. Расстроившись, села на скамейку рядом с дверью и стала ждать. Через некоторое время в коридоре появилась Лаура.

— Здравствуйте, дорогая! У вас что-то случилось?

— Нет... То есть, да... Хотела увидеть светлейшего Стонфилда. Вы не знаете, где он?

— Он ушел еще утром, предупредил, что сегодня уже не вернется.

— Как жаль... — прошептала я, даже не пытаюсь скрыть разочарования.

Лаура приобняла меня за плечи и повела по коридору.

— Корделия, не переживайте. Вы можете рассказать мне о том, что вас беспокоит. Обещаю, мы во всем разберемся.

И я решила довериться мудрой целительнице. Мне пора жить реальной жизнью, а значит, уметь расставлять приоритеты. Разобраться с неприятным сюрпризом о Мартине сейчас было гораздо важнее, нежели выдуманные романтические фантазии, которые, к тому же, абсолютно неуместны.

Лаура привела меня в свой кабинет, и в памяти всплыли картины первого дня моего пребывания в Доме скорби. Я вновь почувствовала тяжесть на душе и обиду, но все же должна была признать, что начинаю привыкать к этому месту, и ничего в нем ужасного нет, как мне казалось раньше.

— Корделия, вы плохо себя чувствуете?

— Нет, со мной все нормально... Точнее, не уверена. Понимаете, светлейшая, со мной случилась огромная неприятность. Не знаю как, но оказалось, что я каким-то образом переписала часть отцовского наследства на сестру. Я бы не удивилась, если бы она все подстроила... Мне ведь все равно ничего не доказать. Кто поверит сумасшедшей? Но все же мне бы хотелось знать наверняка, каких еще сюрпризов ждать от самой себя. Нет ли заклинания какого-нибудь, чтобы вспомнить... то, что забыто?

— То есть, вы даже не уверены, было ли это на самом деле?

— Именно так, — призналась я, смутившись.

Впрочем, чего мне смущаться-то? Уверена, Лаура еще и не такие безумные истории от пациентов изо дня в день слышит.

— Да уж, задачку вы мне задали, — пробормотала целительница. — Хотя... знаю особое заклинание, позволяющее видеть скрытое. Много лет назад я служила при сыском отделе констеблей, так вот иногда помогала свидетелям припомнить некоторые детали, которые могли быть полезны... Впрочем, не важно. Можно попробовать, вспомнить молодость.

— Уверена, мне уже ничего не повредит, — произнесла я, настраиваясь на ритуал.

Магия Лауры намного отличалась от магии Шермана. Она казалась мне холодной и не вызывала никаких чувств, лишь легкий озноб. Никакого ощущения полета, приятного покалывания... Видно, у Шермана особый дар.

— Сосредоточьтесь и подумайте о том, что хотите вспомнить, а я введу вас в транс. Если этого не было наяву, магия не сработает, и вы тут же очнетесь. А если все же было — тогда смотрите внимательнее...

— Куда смотреть? — растерянно произнесла я, и тут же вздрогнула от неожиданности, потому что обстановка комнаты вдруг изменилась.

Я узнала кабинет покойного отца в доме, который уже перестал быть моим. Я сидела за столом и рассматривала стопку бумаг, лежащих передо мной. Пыталась прочесть хоть слово, но все расплывалось перед глазами.

— Давай же!

Подняла голову и увидела смутный силуэт. Подняла руку, чтобы протереть глаза, но очередной окрик заставил вздрогнуть.

— Подписывай!

Рука сама потянулась к перу, стоящему в чернильнице. Несколько секунд я бездумно смотрела, как с острого кончика стекают мелкие капли... Перевела взгляд на лист бумаги. В него тут же ткнулся изящный женский пальчик, указывая место. Рука дрожала, но я смогла поставить подпись, а потом еще одну и еще...

И тут я очнулась. Мне было так холодно, что даже зубы стучали. Лаура укрыла меня невесть откуда взявшимся пледом, обняла.

— Сейчас все пройдет, — проговорила она, глядя меня по спине. — Такое уж побочное действие от заклинания. Оно ведь сработало, правда?

Сработало... Мартина заставила меня подписать бумаги, когда я была не в себе! Она что-то со мной сделала... Наверняка и странное явление несуществующего жениха из той же оперы. Она превратила меня в ненормальную!

***

Констебль Моррисон откровенно зевал и всем своим видом показывал, что ему абсолютно безразлична вся эта ситуация. Если бы Шерман не спас однажды жизнь его начальнику, то не видать бы ему никакого сопровождения вообще. Доринг ведь не слукавил в разговоре с Корделией. Он действительно был обязан защищать права своих пациентов и всегда с готовностью это делал. Провести проверку — его обязанность, а вот законники без веских на то оснований вмешиваться вовсе были не обязаны. Однако в ситуации с четой

Джонсонов нужно было использовать все козыри. Весьма непростая семейка... Генри Джонсон — избалованный сынок богатых родителей, которому наплевать на все законы. Да и Мартина недалеко от него ушла... Корделия не любила говорить о ней, но достаточно было видеть выражение лица девушки при упоминании о сестре.

Сегодняшний день Шерман полностью решил посвятить делам своей нимфы, но ей ничего не сообщил, прекрасно зная, что весь день она будет переживать и еще больше себя накрутит, что в ее состоянии совсем противопоказано. Для начала доринг отправился в городскую ратушу и узнал, правду ли сказала тетка Корделии. Оказалось, правду... Девушка якобы по собственной воле отказалась от имущества и семейного предприятия в пользу сестры. Шерман уже не сомневался, что именно Мартина виновата во всех неприятностях Корделии. Оставалось только выяснить, что именно она сделала. Что за загадочное магическое воздействие, стирающее следы, обновляющее ауру? Вопросов было много, но вот как это выяснить? Шерман решил навестить Мартину, заручившись поддержкой закона.

Горничная отправилась звать хозяйку, оставив гостей в зале. Мартина была дома, в чем Шерман нисколько не сомневался. Это ведь Корделия все свое время тратила на работу, что ее сестре было совсем не свойственно. Даже сейчас, когда в ее распоряжение были несколько крупных швейных цехов. Чтобы не терять времени, Шерман сканировал окружающее пространство на предмет подозрительного магического фона. На сколько хватало его ощущений, ничего особенного в доме не было.

Хозяйка дома вошла в зал грациозной походкой и окинула гостей недовольным взглядом.

— Чем могу помочь, господа? — холодно спросила она.

Шерман отметил про себя, как сестры не похожи друг на друга — как внешне, так и внутренне. Мартина показалась ему уверенной в себе и даже немного вульгарной особой. Платье в откровенном вырезом, смелые взгляды... Женщина, уверенная в собственной неотразимости... Однако мысли Шермана были целиком заняты одной прекрасной нимфой..

— Добрый день, госпожа Джонсон. Меня зовут Шерман Стонфилд — главный доринг Дома скорби.

— Я знаю, кто вы, — отозвалась женщина, с любопытством глядя на констебля, темно-зеленую форму которого нельзя было перепутать ни с какой другой. — Меня в чем-то обвиняют?

— Корделия Саури — моя пациентка, — продолжил Шерман. — Мне известно, что в ее жизни произошли некоторые изменения... Мне бы хотелось узнать, почему ваша сестра отдала вам собственное наследство?

Глаза Мартины расширились от удивления.

— Кресси... разболтала уже, — буркнула она. — Светлейший Стонфилд, я не могу отвечать за действия своей сестры. Захотела и отдала... Это ее собственное решение!

Шерман даже рассмеялся. Конечно, собственное... Корделия ведь так мечтала остаться на улице и позволить взбалмошной сестренке пустить по ветру все, чего достиг их покойный отец.

— Госпожа Джонсон, в другой ситуации в вашу чудную историю еще можно было бы поверить, но сейчас Корделия находится на лечении, а потому есть основание полагать, что вы воспользовались ее состоянием.

— Что? Да как вы смеете? — взвилась Мартина. — Моя сестра всегда была немного... замкнутой, ранимой. Мы решили, что будет лучше мне взять заботу о делах, а ей заняться

собственным здоровьем. Если она всего этого не помнит, так это ваши проблемы! Лучше лечить надо!

Женщина с вызовом посмотрела Шерману в глаза. Констебль Моррисон решил все же поучаствовать в беседе.

— Не нужно нервничать, госпожа Джонсон, — скучающим тоном произнес он. — Это обычная проверка. Дорингу Стонфилду нужно убедиться, что в момент подписания документов ваша сестра находилась в здравом рассудке, и на нее никто не воздействовал.

— Светлейший, ведь ваши целители определили Корделию в отделение легких нервных расстройств. Меня убеждала, что она не сумасшедшая...

— Не сумасшедшая, — спокойно подтвердил Шерман. — Но это не избавит вас от ответственности.

— Сначала докажите, светлейший.

— Непременно, — ответил Шерман, ослепительно улыбнувшись. — Мне нужно осмотреть комнату госпожи Саури.

— Это возмутительно!

— Не препятствуйте проверке, госпожа Джонсон, — вмешался констебль. — А мы пока побеседуем с вами.

Мартина явно была в бешенстве, но при констебле спорить все же не решилась. Позвала горничную и попросила проводить Шермана в комнату его пациентки. Вот так доринг попал в обитель своей светлой нимфы. Застыл посреди комнаты, рассматривая все вокруг, впитывая энергию окружающего пространства, надеясь отыскать что-нибудь подозрительное. Но чувствовал Шерман исключительно нежность, как и бывало, когда Корделия находилась рядом с ним, смотрела внимательными серыми глазами, в которых плескалась грусть. Печаль и нежность... Это сочетание вызывало у мужчины щемящее чувство внутри, стремление оберегать ее, радовать.

Шерман провел кончиками пальцев по маленьким фарфоровым статуэткам на столике, по корешкам книг, вдохнул аромат сладких духов в крошечном хрустальном флаконе. Нежность пропитала все вокруг. Это ощущение заставляло сердце мужчины биться чаще и представлять Корделию в этой комнате. Она ведь думала о чем-то, мечтала... Явно ведь не о том, чтобы оказаться в заведении для душевнобольных. Девушка мечтала об идеальном спутнике, который, к сожалению, явился ей лишь в болезненном видении.

Доринг постарался сосредоточиться на магическом фоне. Он долго сканировал комнату, но ничего, кроме обычных бытовых артефактов обнаружить не смог. Наверное, это была провальная затея. Мартина не глупа, чтоб подставляться... Хотя... Все же что-то его беспокоило. Что-то едва уловимое... Шерман распахнул створки большого дубового шкафа — он оказался доверху наполнен изрезанной и разорванной тканью. Видимо, Мартина расправилась с гардеробом ненавистной сестры. Огляделся вокруг, открыл дверцы небольшого комода в углу — обычные женские безделушки, украшения... Внимание мужчины привлекла небольшая шкатулка в форме из темного дерева, покрытого блестящим лаком, украшенная мелкими сапфирами. Вроде бы, обыкновенная вещица — магией даже не пахнет. Шерман открыл ее и тут же вздрогнул, услышав мелодию. Тягучая, заунывная, навевающая тоску... Доринг уже слышал этот мотив: Корделия постоянно напевала его, задумавшись. Возможно, простое совпадение, но мужчина ухватился за это, как за единственную зацепку. Спрятав шкатулку под пиджак, Шерман еще раз окинул взглядом комнату своей нимфы, и вышел.

Шерман так и не появился, и мне было невыносимо грустно. Пусть Лаура и сказала, что он не придет, но я все равно упорно ждала. Рядом с ним мне было так спокойно, и даже появлялась надежда на благополучный исход. Надо же, я подписала эти проклятые бумаги! Сама! Собственноручно! Как же Мартина добилась этого? Что сделала со мной? А главное, я не могла понять, откуда же в ней столько ненависти ко мне, столько злобы. На ее месте бы стоило вообще не обращать внимания на сестру-неудачницу, наслаждаться беззаботной жизнью...

Зря я не переехала, когда Мартина вышла замуж. Отец Генри был так зол на него, что не хотел видеть молодоженов на пороге родового особняка Джонсонов, а потому они поселились у нас. Сестра не раз намекала, что я мешаю супругам своим присутствием, да и мне было не очень комфортно с ними. Но я все равно не уехала... Не хотела бросать родительский дом, где столько счастливых воспоминаний о том, что уже не вернешь. А могла бы купить небольшой домик в красивом месте, жить спокойно, и тогда бы точно ничего подобного не случилось. Хотя кто знает, что на уме у Мартины?

Вот уже стемнело, а я вновь бродила по корпусу, словно привидение. В голове было столько мыслей, что уснуть совсем не получалось. Смотрительница даже предложила позвать дежурного целителя, чтобы он помог мне сонным заклинанием, но я отказалась. Мне хотелось думать, размышлять, бодрствовать, ведь только так я могла быть почти уверенной в том, что происходящее вокруг меня реально. Впрочем, когда я увидела в коридоре Шермана, моя уверенность пошатнулась. Он шел ко мне навстречу, улыбаясь так, словно очень рад меня видеть. Неужели это мне не мерещится?

— Здравствуй, Корделия! — сказал он, зачем-то приобнимая меня за плечи. — Я надеялся, что ты еще не спишь.

— Рада видеть вас, светлейший, — ответила я, отступая, но мужчина не убрал руки с моих плеч, а лишь еще ближе притянул меня к себе.

Шерман смотрел так внимательно, и в глазах его я увидела нежность и искреннюю радость, словно он очень соскучился по мне за целый день, что мы не виделись. Это было так чудно, что у меня даже голова закружилась от его близости, а сомнений в реальности происходящего еще больше прибавилось.

— Как ты провела день?

— Честно говоря, не очень хорошо, — призналась я. — Переживала очень... Знаете, госпожа Лаура помогла мне вспомнить! Я сама подписала бумаги, но при этом будто не в себе была. Перед глазами пелена какая-то...

— Я сегодня был в твоём доме, Корделия, и познакомился с Мартиной. Знаешь, от такой родственницы я бы сам добровольно скрылся в Доме скорби.

Я даже дар речи потеряла, услышав его слова. Значит, Шерман целый день занимался моими делами. Он, конечно, обещал мне это, но не думала, что так скоро. Да и не могла надеяться особо...

— Что она сказала вам? Наверняка наговорила гадостей обо мне...

— Присутствие констебля немного остудили ее пыл. Мартина утверждает, что ты подписала ей имущество добровольно, по причине большой и искренней сестринской

любви. Я, разумеется, не поверил в эти сказочки, однако ничего подозрительного и магического в доме мне отыскать не удалось. Конечно, полный обыск я проводить не имею право, но в твоей комнате побывал...

— В моей комнате? — переспросила я, отчего-то ужасно смущаясь.

— Да... Я там отыскал одну интересную вещицу.

Шерман отпустил меня, наконец, и достал из внутреннего кармана пиджака мою маленькую музыкальную шкатулку. Что же интересного доринг в ней увидел? Я протянула руку, чтобы открыть ее, но Шерман не позволил.

— Эта мелодия... Ты часто напеваешь ее. Я слышал уже несколько раз.

— Ну да... Просто она такая навязчивая, все время вертится в голове. Сама не замечаю, как начинаю напевать.

— По-моему, музыка тоскливая и угнетающая.

— Наверное... Но у меня такое странное чувство возникает, когда я ее слушаю... Словно все вокруг исчезает... Проблемы, горести... Я забываюсь.

Сама не заметила, как вновь потянулась к шкатулке, чтобы открыть. Мне так сильно захотелось услышать мелодию, купаться в ней, раствориться...

— Корделия!

Голос Шермана заставил меня очнуться от наваждения. Доринг проворно спрятал шкатулку обратно в карман и с тревогой взглянул на меня.

— Откуда у тебя эта вещица?

— Мартина подарила на день рождения два месяца назад, — ответила я. — Сказала, что Генри купил ее, когда путешествовал по Империи, проматывая семейные деньги.

— А где именно купил, знаешь?

— Кажется, на Серебряном острове.

— Серебряный остров... — задумчиво повторил Шерман. — Там находится ковен магов-артефакторов. Они создают всякие магические вещицы, которыми могут пользоваться обычные люди. Торговля ведется активно, но именно на этом острове можно найти удивительные изобретения, имеющиеся едва ли не в единственном экземпляре.

— Но ведь вы не почувствовали магии.

— Возможно, этот артефакт уже разрядился. По крайней мере, это пока наша единственная зацепка. Я покажу шкатулку знакомому артефактору, тогда и узнаем, есть ли в ней магия... Или была, по крайней мере.

— Светлейший... я так благодарна вам...

— Не нужно благодарить меня, Корделия, — мягко произнес доринг. — Ты не заслужила всего этого... Ты... прекрасная девушка...

Шерман замолк, словно устыдившись собственных слов, словно они вырвались против его воли. Он отвернулся, рассматривая на стене блики от магических светильников. Ситуация разом стала неловкой. Минуту назад мы разговаривали о деле, а потом вдруг... А что случилось, собственно?

— Тебе нужно отдохнуть, — тихо сказал Шерман, вновь взглянув на меня.

— Не могу уснуть...

— Я помогу, — шепнул он.

Доринг шагнул ко мне, коснулся моей щеки, а потом наклонился и подул мне на лицо. У меня кожа мурашками покрылась от этого странного жеста. Я почувствовала слабость в ногах и пошатнулась. Шерман обнял меня и отвел в комнату.

Я уснула сразу, не терзаясь никакими заботами, да и снилось мне что-то хорошее, нежное... Проснулась от какого-то шума. Открыв глаза, обнаружила, что за окном все еще темно. Шорох раздавался со стороны кровати Мэй. Когда глаза привыкли к темноте, смогла разглядеть, что девушка зачем-то бродит в темноте из стороны в сторону.

— Мэй, ты почему не спишь? У тебя что-то болит?

Девушка замерла на месте. Я не могла видеть ее лица, только силуэт... Она молчала, и мне становилось жутко.

— Желание...

От звука ее голоса я невольно вздрогнула.

— Что ты сказала? — спросила я, вставая.

— У меня есть желание... — пробормотала она, по-прежнему не двигаясь.

Я осторожно подошла к ней. Девушка стояла на полу босиком в одной тонкой сорочке и дрожала от холода.

— Мэй, ты меня слышишь?

Она вздрогнула, взглянула на меня.

— Лия, это ты? Прости, что разбудила...

Я уложила Мэй в кровать и укутала одеялом.

— О чем ты говорила? — спросила я. — О каком желании?

— Не знаю, Лия, снилось что-то... Ты прости, что разбудила, прости...

Мэй быстро заснула, и я вернулась в кровать. Мне по-прежнему было жутко. С одной стороны такое поведение людей не слишком удивительно в стенах этого заведения, но все же...

Следующая пара дней обошлась без происшествий. Шерман отдал мою шкатулку на проверку знакомому магу, и теперь мы вместе ждали новостей. Дело в том, что доринг проводил со мной все свободное время, которого, к слову, было не так много. Он приходил на работу, делал обход, проводил ритуалы, а потом мы вместе обедали. После этого мужчина вновь занимался работой, а вечером мы с ним гуляли в саду или беседовали о чем-нибудь в его кабинете. Мои соседки, пребывавшие в кратком периоде светлого ума, подшучивали надо мной, называя возлюбленной целителя. Если б это было так... Честно говоря, я и сама с трудом понимала природу такого отношения ко мне со стороны Шермана, а спросить, конечно, ни за что бы не решилась.

Трой понемногу оживал, и к нему возвращалось обычное жизнерадостное настроение. Мы больше не возвращались к разговору о его жене, и он, казалось, совсем не думал об этом. Но иногда он замирал, нахмурившись, словно вспоминая что-то неприятное. Даже Райан стал все чаще покидать мужскую комнату, ел вместе со всеми, даже разговаривал. Может, я все выдумала, и нет между болезнями этих людей никакой связи? Может, обычное расстройство, которое уже проходит?

Сегодня, увидев Шермана, я поняла, что у него есть новости для меня. Его глаза светились решимостью рассказать мне что-то интересное. Я пришла к нему в кабинет после ужина. Днем мы не виделись, потому что доринг уходил куда-то, и я очень надеялась, что он узнал что-то полезное.

— Корделия, я оказался прав! — воскликнул он нетерпеливо. — Твоя злополучная шкатулка — это на самом деле разрядившийся магический артефакт! На сколько я понял, подобные вещицы весьма дороги и распространены лишь в определенных кругах...

— Что вы имеете в виду? — насторожилась я.

— Видишь ли, в этой шкатулке заключена особая магия... Она некоторым образом воздействует на людей, помогает расслабиться, повышает настроение, делает более эмоциональными. И самое главное в том, что на человеке не остается магического следа от воздействия. Шкатулки большим спросом пользуются у мужчин, желающих добиться благосклонности дамы, а именно склонить ее к более близким отношениям...

Шерман, видимо, старательно подбирал слова, чтобы объяснить это. Я, конечно, поняла, что за более близкие отношения, и смутилась.

— А как это связано с моей ситуацией? — спросила я.

— Заряд магии в шкатулке очень слабый, и она быстро превращается в обычную безделушку, но вот если постоянно пополнять заряд... При длительном воздействии человек теряет волю, становится слабым и управляем, а может и вовсе потерять рассудок.

— Как я...

— Я уверен, что изначально Мартина и Генри использовали артефакт для любовных игр, а потом у них созрел план. Я узнавал про господина Джонсона — отец его на дух не переносит и полностью отказал в содержании. Наверняка муж и надумил твою сестру прибрать к рукам все семейное состояние. А зарядить шкатулку может любой маг, даже самый слабый. Когда ты подписала все, что нужно, в перезарядке уже не было необходимости, и артефакт потерял силу. Но воздействие было настолько долгим, что это вылилось в изменении ауры и твоих видениях.

— Ели шкатулка разрядилась, значит, никаких видений больше не будет? — с надеждой спросила я.

— Ничего больше не будет, Корделия. Ты абсолютно здорова, понимаешь? Ты не сумасшедшая и никогда не была такой! Ты сможешь вернуть себе все, что забрала Мартина, вернуть себе доброе имя.

Я слушала и не могла поверить. Неужели все наладится? Неужели я смогу вернуться к нормальной жизни?

— У твоей семьи есть поверенный?

Я с трудом понимала, о чем спрашивает Шерман, все еще находясь в легком шоке от хороших новостей, чего в моей жизни уже очень долгое время не было.

— Был... но он покинул столицу недавно, и я не успела найти нового...

— А к твоим родственникам обращаться за помощью бесполезно, — констатировал Шерман. — Я попрошу своего поверенного заняться твоим делом. Он приготовит все документы, и мы обратимся к главному судье с жалобой.

— Я безмерно благодарна вам за все, но мне так неловко взваливать на вас свои проблемы...

Шерман вдруг дотронулся пальцами до моих губ, заставляя замолчать. Он сидел так близко, и, кажется, я только сейчас почувствовала это настолько остро.

— Не надо, Корделия, не благодари меня... Не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной, просто знай... Я все это делаю не только из чувства долга и уж тем более не из жалости. Ты стала мне другом и даже гораздо больше...

Шерман встал и подошел к окну, нервно сцепив пальцы за спиной. Его слова словно ласкали меня, но тут же невольно вспоминалась сцена, которую я наблюдала однажды в саду. Свободно ли его сердце? А мне нужно стать самой собой, если я надеюсь, что его чувства ко мне искренние. Мне нужно перестать быть его пациенткой, нужно исправить все. И для этого придется довериться, принять помощь. И я была готова на это, ведь Шерман стал

единственным человеком в этой жизни, которому я верила.

Голоса в голове

Мне снилось море... Оно шумело, и в волнах играли блики яркого солнца. Ветер, свежий и легкий, словно дыхание богов, что покровительствуют этому миру. Я ступала босиком по белому теплому песку и наслаждалась ощущениями. Покой, радость, умиротворение... Море... Огромное и величественное, и кажется, будто больше ничего нет в мире, кроме бескрайней воды... И голоса. Он звучал прямо в голове так громко, что она раскалывалась от боли...

— Хочешь, я исполню твое заветное желание?

Я очнулась и рывком села в кровати. Море исчезло, уступив место тесной женской комнате в Доме скорби. Меня окутывала темнота, а тишину нарушало лишь мерное дыхание спящих соседок. Какой яркий сон... Кажется, никогда таких не видела. По-прежнему отчетливо помнила ощущение песка под ногами. Я даже дотронулась до кожи, стремясь ощутить прилипшие песчинки, но ничего такого не было, конечно. А голос? Он тоже мне приснился?

— Так как насчет желания?

От неожиданности я подпрыгнула и едва не свалилась с кровати. Нет, этого не может быть, просто не может!

— Ну же, поговори со мной...

Голос звучал прямо у меня в голове, и от него возникала болезненная пульсация в висках. Я сжала их изо всех сил, убеждая себя, что все еще сплю.

— Я жду, Корделия!

Голос был явно мужским, низким, с шипящими нотками.

— Оставь меня... Уходи! — беспомощно прошептала я, пару раз стукнувшись лбом о спинку кровати, чтобы избавиться от ужасных ощущений.

— Я не уйду, пока не ответишь. У тебя есть заветное желание?

— Кто ты? Зачем мучаешь меня?

— Я могу тебе помочь. Чего ты хочешь больше всего на свете?

— Избавиться от тебя!

Я хотела закричать, но с трудом себя сдержала. Нельзя никому об этом знать! Шерман ведь сказал, что я не сумасшедшая! Я нормальная! Нормальная...

— Еще поговорим, Корделия...

Похоже, я потеряла сознание. Утром меня разбудила Карэн, обеспокоенная тем, что я так долго не встаю. Время уже близилось к обеду, а я чувствовала себя настолько разбитой, словно совсем не спала. Ночное происшествие казалось мне лишь дурным сном, но на душе было тяжело. Я ведь не спала... Правда слышала проклятый голос! Это ведь значит, что я... Сумасшедшая? Нет, нет, нет...

Вскочив, принялась ходить по комнате из угла в угол. Не надо паниковать раньше времени! Не нужно сразу думать о самом плохом. Шерман ведь говорил о последствиях воздействия артефакта. Может, это просто какой-то побочный эффект. Ведь за время моего нахождения здесь больше ничего подобного не было... Наверняка, это все от переживаний, да и воздействие магии не может так просто закончиться... Надо посоветоваться с кем-то!

Шерман... Какими глазами он станет смотреть на меня, если окажется, что я все-таки повредила рассудком?

— Проснулась, наконец-то, — сказала Карэн, прервав мои терзания. — Я уж думала, что ты заболела, как Мэй.

— А что с ней?

— Простудилась, похоже. С утра жаловалась, что голова сильно болит, горло. Ее целители увели. Плакала опять...

— Бедная Мэй, — пробормотала я.

И тут же сразу вспомнилась одна ночная сцена, когда соседка ходила во сне. Она ведь говорила что-то про желание... Говорила сама с собой, а может быть... Может быть, говорила с кем-то...

— Да не переживай так, — сказала Карэн. — Сказали, к вечеру Мэй вернется. Обычная простуда...

— Да, конечно...

Я поспешила к Шерману. Он уже ждал меня, и в его кабинете был накрыт обед на двоих. Увидев меня, доринг как обычно тепло улыбнулся и взял меня за руку. По коже привычно побежали мурашки, и меня наполнили радость и удовольствие от его близости. Я чувствовала, что нравлюсь ему, но ведь он никогда до конца не воспринимал меня, как свою пациентку. Он всегда убеждал меня, что я здоров, что абсолютно нормальная. Как он отреагирует, узнав про голоса в голове? Если я, правда, окажусь чокнутой?

— Ты чем-то расстроена, Корделия? Будто сама не своя...

— Я просто... просто... Мэй заболела, и я беспокоюсь за нее.

— Не волнуйся, она поправится, — заверил Шерман, глядя меня по волосам. — Простуду вылечить легко... Это ведь не странное душевное расстройство, причин которого не понять.

Шерман грустно улыбнулся, потом шутливо щелкнул меня по носу.

— Ну же, Корделия, улыбнись! Хочешь, я тебя порадую? Мой поверенный уже подготовил все документы, так что вскоре начнется судебный процесс.

— Мне нужно будет присутствовать?

— Нет, он все сделает сам. Ни к чему тебе лишний раз встречаться с родственниками. Если выиграем, подпишешь бумаги, вот и все.

— Мартину и Генри накажут?

— Конечно. Это судья будет решать. Надеюсь, ты не станешь жалеть их?

— Не стану, — ответила, не задумываясь. — Просто хочу, чтобы все побыстрее закончилось. Хочу вернуться к обычной жизни...

— Ты обязательно вернешься, — тихо сказал Шерман. — Я понимаю, что ты хочешь, чтобы стало все, как прежде, но... Изменения ведь могут быть и хорошими.

Я не смогла долго выдержать его взгляда. Отошла от него и села за стол, рассеянно помешала салат.

— Светлейший, я хотела спросить вас...

— Я же просил тебя, — мягко перебил мужчина, склоняясь надо мной и опаяя дыханием.

— Ах да... Шерман... Я хотела спросить тебя...

Доринг не разрешал мне обращаться к нему официально с того самого разговора, когда он предложил помощь своего поверенного. И вот уже целую неделю я пыталась к этому

привыкнуть, и все никак не удавалось. Мне казалось, что таким образом я разрушу последний барьер между нами и позволю себе надеяться на нечто большее, чем доброе отношение и ласковые жесты. Я ведь до сих пор не знала, что за девушку видела рядом с ним.

— Я тебя внимательно слушаю, — сказал Шерман, улыбнувшись и усаживаясь рядом со мной.

— Скажи... Со мной точно все нормально?

— Ты о чем? — спросил доринг, нахмурившись.

— Ты говорил, что артефакт полностью разрядился... Он ведь больше не может на меня влиять?

— Конечно не может. Он давно перестал на тебя влиять, просто сказался избыток магического воздействия, вот и были видения. Все уже позади.

— Проверь, пожалуйста, — попросила я. — Я хочу точно знать, что со мной все нормально.

— Как скажешь, — ответил Шерман, придвинувшись ближе.

Доринг осторожно притянул меня к себе, обнял, будто невзначай мазнув губами по щеке, обхватил ладонью затылок. Я услышала его неразборчивый шепот и ощутила привычное покалывание.

— С тобой все в полном порядке, Корделия, — прошептал он. — Знаешь, мне начинает казаться, что ты затеяла все это только для того, чтобы я тебя обнял.

Я отодвинулась от мужчины и отвернулась, чтобы скрыть смущение.

— Шерман, я уже достаточно долго общаюсь с дорингами и знаю, что для диагностики совершенно не обязательно обниматься.

Шерман тихо рассмеялся, а потом взял меня за руку.

— А все-таки, Корделия, что случилось?

— Просто приснился плохой сон, — ответила, улыбнувшись.

Теперь рядом с этим мужчиной я вновь чувствовала себя защищенной и умиротворенной, а ночные странности казались и вовсе нереальными. Я не сумасшедшая, а просто слишком переживала. Или же со мной происходит нечто, что даже Шерману недоступно...

— Корделия, тебе нужно отдохнуть, сменить обстановку... Знаешь, у меня есть дом неподалеку от Имперской гавани. Я не бываю там лишь на выходных, да и то не всегда получается... До работы далеко, поэтому в центре большую часть времени обитаю... Там красиво, а из окон море видно. Ты любишь море?

— Люблю... Я так давно не была на пляже. Даже и не вспомню, когда в последний раз... Все работала, работала...

— Мы можем вместе поехать туда на выходных, остановиться в моем доме. Ты развеешься, отдохнешь.

— Ты серьезно?

— Конечно, — ответил Шерман, пристально глядя мне в глаза. — Ты не подумай ничего такого... Я просто хочу тебя порадовать. Считаю это новым способом лечения. Скажем, терапией хорошими впечатлениями.

— Хорошими впечатлениями?

— Да, по-моему, отличное название. Напишу книгу и прославлюсь на всю Империю. Кстати, терапия уже действует.

— Думаешь?

— Конечно... Ты уже улыбаешься.

Я и вправду улыбалась, но все же что-то меня останавливало.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А твоя репутация не пострадает? Все-таки я по-прежнему пациентка...

— Ты прекрасная девушка, Корделия, — серьезно произнес Шерман. — Это все, что мне нужно знать.

Я пообещала Шерману подумать над его предложением. Мне очень хотелось согласиться, окунуться. Хотя бы на пару дней в другую жизнь, посмотреть, как живет Шерман. В конце концов, он бы вряд ли стал звать меня к себе, если бы с кем-то серьезно встречался. К тому же нужно проверить, как мой многострадальный разум поведет себя вдали от Дома скорби. Все-таки меня не покидало ощущение, что все странное связано именно с этим местом. И даже голос в голове...

Ночью я проснулась словно от толчка. Нет, никаких голосов я больше не слышала, но чувствовала необъяснимую тревогу, а еще непреодолимое желание куда-то идти. Не обращая внимания на холод, вышла в коридор босиком и в одной сорочке, застыла в нерешительности. Что я делаю? Что вообще происходит?

— Иди ко мне, Корделия...

Я огляделась вокруг, но увидела лишь спящую за столом смотрительницу. Голос больше не пугал, а наоборот, я чувствовала огромное желание найти как можно быстрее его обладателя. Я пошла вперед, совершенно не зная, куда, но в то же время словно кем-то ведомая. В корпусе сейчас находилось всего пятеро пациентов, а потому большая часть помещений пустовала, и я даже не была там. Казалось, коридор просто бесконечный. Я шла и шла вперед, мимо кабинетов, комнат, и в какой-то момент оказалась около лестницы, ведущей в подвал. Там что-то светилось... Я осторожно спустилась и обнаружила дверь, вовсе не походившую на подвальную. Она была словно выкована из чистого золота, украшенная изображением сказочных существ. Ручки у двери не было, лишь только скважина для ключа. Я толкнула, но дверь не поддалась.

— Корделия...

Этот голос был совершенно реальным и звучал не в голове. Оглянувшись, увидела Мэй. Она стояла вверху, на первой ступеньке лестницы и смотрела на меня. Как и я, она была босой, в одной ночной сорочке. Я быстро поднялась к ней.

— Мэй, дорогая, ты как оказалась здесь?

Даже в тусклом свете магических светильников я видела ее глаза — пустые и бессмысленные. Она тяжело дышала, а руки ее дрожали.

— Мэй, ты меня слышишь?

— Я так счастлива... так счастлива, — прошептала девушка, взглянув вниз на золотую дверь.

Я взяла ее за руку, чтобы увести отсюда, но Мэй неожиданно оттолкнула меня с силой, а потом вдруг прыгнула вниз и покатилась по лестнице. Я закричала, кинулась за ней, сама едва не упав. Ее тело глухо ударилось о подвальную дверь. Мэй не шевелилась, а около ее головы растекалась кровь. Я кричала, звала ее по имени, но она так и не очнулась. Мэй больше не дышала, а на ее губах застыла улыбка. И тут я заметила, что золотая дверь исчезла. Моя мертвая соседка лежала у старой двери из потрескавшихся досок, на которой висел большой ржавый замок.

Это был самый настоящий кошмар. Помню, я что-то кричала, бежала куда-то... Помню перепуганных смотрительниц, которые подумали, что у меня начался приступ. А потом я вновь оказалась на лестнице, ведущей в подвал. Вокруг сновали констебли, а их начальник зыркал на меня подозрительно. Рядом стояли Шерман и Лаура. Доринг кутал меня в свой пиджак, гладил по плечам, шептал что-то успокаивающее. Я ничего не понимала, ведь мысли были заняты только одним... Внизу лежало тело Мэй, на которое я безумно боялась взглянуть, но знала, что оно там... Укрытое белой простыней, края которой уже испачкались в крови.

— Госпожа Саури, расскажите еще раз, что случилось, — сухо попросил начальник констеблей.

Его форма отличалась от формы остальных золотыми нашивками, а на груди висела крошечный зеленоватый кристалл. Это означало, что он обладает магическими способностями и имеет право просматривать память подозреваемых и свидетелей.

— Корделия, — тихо позвал Шерман и чуть сильнее сжал мое плечо.

Разве я уже что-то рассказывала? Может быть, совсем в голове все перепуталось.

— Мэй спрыгнула с лестницы сама, — прошептала я.

— Сама? — переспросил констебль, и в его голосе я уловила нотки сарказма. — А что вы делали здесь в такой поздний час, позвольте узнать?

Рассказывать ему о странном голосе я не хотела. Лучше потом рассказать все Шерману, когда останемся наедине. А этот констебль и без этого смотрел на меня, как на чокнутую. И, вполне возможно, был недалек от истины.

— Я не могла уснуть, решила прогуляться и в коридоре увидела Мэй. Пошла за ней, а потом... Потом она прыгнула.

— Очень интересная история... Светлейший Стонфилд, скажите, у госпожи Саури раньше бывали приступы агрессии или что-то подобное?

Конечно же, он думает, что я сама столкнула Мэй с лестницы.

— У Корделии никогда не было приступов, — ответил Шерман. — Она самая спокойная из всех моих пациентов, и душевное состояние вполне в норме. У меня нет причин не верить ее словам.

— Раз вы заявляете, что эта девушка в полной мере отдает отчет своим поступкам, наказание может быть более суровым, — произнес констебль, пристально глядя на Шермана.

— Сначала докажите ее вину, — спокойно ответил доринг.

— Непременно, светлейший. Сканирование памяти расставит все по своим местам. Будьте готов через час.

Констебль отвернулся, разом потеряв к нам интерес. Шерман попросил Лауру дожидаться, когда унесут тело, а мне сказал одеться и прийти в его кабинет. Пациенты в нашем корпусе не спали. Карэн, Райан и Трой сидели в общей комнате. Девушка плакала, утирая слезы платочком. Увидев меня, они попытались расспросить о том, что произошло, но я сейчас была не в состоянии разговаривать с ними. Быстро переодевшись, направилась к Шерману. Меня по-прежнему трясло, а голова просто раскалывалась от боли.

Доринг, увидев меня в таком состоянии, усадил на диван, дал выпить что-то спиртное, чтобы прийти в себя.

— Ничего не понимаю, — задумчиво произнес он. — Мэй вчера была такая спокойная, улыбочивая... Поговорила со мной, попросила отправить весточку отцу, чтоб навестил ее. Только на плохое самочувствие жаловалась... Лаура посмотрела — легкая простуда, отправила к целителям. Что могло с ней случиться? Неужели успокоительные заклинания больше не действовали?

— Шерман, я должна рассказать тебе... Я кое-что слышала... Странное...

Мужчина сел рядом и сжал мою руку, внимательно глядя в глаза. Я сбивчиво рассказала ему про голос в голове, про заветное желание и даже про золотую дверь. Лицо Шермана оставалось непроницаемым, и я никак не могла понять, что же он теперь думает обо мне.

— Я не сумасшедшая, — прошептала, уже не пытаюсь сдерживать слезы. — Поверь мне, прошу... Я правда слышала! И Мэй тоже слышала, уверена! Там что-то есть, в том подвале...

Шерман прижал меня к себе крепко-крепко, поцеловал в щеку и прошептал:

— Конечно, не сумасшедшая... Я верю тебе, не плачь, пожалуйста! Мы во всем разберемся. Послушай...

Доринг чуть отстранился, вытер мои слезы кончиком пальца, пригладил растрепавшиеся волосы.

— Сначала нужно разобраться с констеблем. Он будет читать твои воспоминания. Это неприятно, очень... Но я не могу ему препятствовать. Он увидит лишь сам момент смерти, потому что остальное читать запрещено законом. А тот кристалл, что у него на шее — магический ограничитель.

Я вновь обняла его, ища защиты и поддержки, как единственного близкого человека в этом мире. Зажмурилась, на миг расслабившись в его объятиях, представив, что все происходящее — всего лишь дурной сон.

— Ты справишься, Лия... Ты ведь сильная девочка...

В голосе мужчины звучала нежность, и это было невыразимо приятно. Как бы я хотела спрятаться от всего в его надежных руках, но реальность никак не хотела отпускать, явившись в облике констебля.

— Не волнуйся, я все время буду рядом, — шепнул Шерман, прежде чем меня отпустить.

Констебль поставил стул посреди кабинета и попросил меня присесть. Я подошла, едва передвигая ноги от страха, оглянулась. Шерман оставался на том же месте и не спускал с меня глаз. Констебль достал из кармана пузырек с темной жидкостью и заставил меня сделать глоток. Голова тут же закружилась, и я бы упала, наверное, если бы мужчина крепко не держал меня за плечи. Он ощутимо встряхнул меня и строго сказал:

— Смотрите в глаза!

Я подняла тяжелую голову и встретила с его карим взглядом, который причинял боль. Казалось, что мужчина своим взглядом прожигает дыру у меня в голове. Затылок зажгло почти невыносимо. Хотела вскочить, закричать, но все тело онемело, словно больше не подчинялось мне. Я больше не видела карих глаз, а только лишь алые всплохи. Голова болела так сильно, что хотелось плакать... А еще больше хотелось плакать оттого, что вновь приходилось переживать последние минуты жизни Мэй. Я увидела ее падение так явственно, словно вернулась в прошлое. Вот она отталкивает меня, вот смотрит, а на лице ее играет странная улыбка... Прыгает вниз, и растекается кровавое пятно... Кажется, я

кричала...

Когда очнулась, оказалось, что мы с Шерманом в кабинете вдвоем. Я лежала на диване, а мужчина сидел рядом и гладил меня по щеке.

— Как ты себя чувствуешь?

— Голова болит немного... И слабость жуткая.

Я попыталась подняться, но поняла, что все бесполезно. Шерман мягко уложил меня назад, поднес мою ладонь к губам, и по коже разлилось приятное тепло.

— Тебе нужно хорошенько выспаться, — прошептал он, укрывая меня пледом. — А я пойду разбираться с голосами...

— Подожди... А что констебль? — встревоженно спросила я.

— Не волнуйся, он ни в чем тебя больше не подозревает. Забудь обо всем плохом и засыпай...

На этот раз никаких голосов я не слышала. Мне снова снилось море. Соленые брызги касались моей кожи, превращаясь в поцелуи... Нет, это и вправду были поцелуи — ласковые и нежные. Так, наверное, может целовать только любящий мужчина. Хотя, откуда мне знать? Меня ведь никто никогда не любил... Разве что выдуманный мною Джеральд...

Открыв глаза, обнаружила, что в комнате все еще темно. Неужели по-прежнему ночь? Чувствовала я себя вполне отдохнувшей и даже бодрой, а все недавние события казались лишь страшным сном. Признаться, я бы обрадовалась, узнав, что это все были лишь очередные видения. Шерман спал за рабочим столом, положив голову на стопку бумаг. Я подошла к нему, погладила по голове, по небритой щеке. Какой же он добрый, красивый, замечательный... Вот бы мне такого мужчину...

Шерман вздрогнул и взглянул на меня. Он выглядел очень усталым, а под глазами пролегли темные тени.

— Корделия...

— Я долго спала?

— Весь день...

— А ты почему не ушел домой?

— Не хотел оставлять тебя одну...

Шерман обхватил меня за талию и притянул к себе, а мне вовсе не хотелось его отталкивать. То, что было бы непристойным с другим мужчиной, с дорингом казалось совершенно естественным.

— Как там дела? — спросила я, хотя на самом деле мне очень-то хотелось это знать, более того, вообще покинуть этот уютный кабинет, где есть он.

— Целый день отбивался от проверяющих. Но это ерунда по сравнению с тем, что мне пришлось сообщить отцу Мэй о ее смерти. Констебли и эксперты из ковена определили, что это было самоубийство на фоне нервного расстройства. Мэй хуже всех поддавалась лечению. Эта ее одержимость ребенком... Я ничего не мог с ней сделать... Меня ни в чем не обвиняли и признали, что я сделал все возможное, но все же...

Шерман замолчал, опустив глаза.

— Но ты винишь себя сам, — сказала я. — Не нужно, Шерман, здесь что-то другое, я уверена. Что-то... зловещее.

— Лия, я проверил всех — Карэн, Троя, Райана... Их состояние без изменений, и никаких голосов они не слышали. Мы с магами из ковена осмотрели весь подвал, но там не и следа чужеродной магии. Ума не приложу, что ты могла слышать, да и Мэй тоже. Я не знаю,

что происходит, Лия, не могу понять... Но мне будет спокойнее, если ты будешь все время у меня на глазах. Может быть, если ты вновь услышишь голос, я смогу понять хоть что-то.

— У тебя на глазах? — задумчиво повторила я.

Шерман встал, по-прежнему обнимая меня за талию.

— Помнишь, я рассказывал тебе про загородный дом? Нам обоим нужно отдохнуть, Лия, побыть вдальеке от этого безумия. Я столько сил истратил за последнее время, а тебе нужно сменить обстановку. Мне нужно посмотреть на твоё состояние в других условиях. Соглашайся, Лия... Всего лишь пара дней.

— Хорошо, — прошептала я немного неуверенно.

— Я хочу подарить тебе хоть немного радости... Хочу, чтоб ты улыбалась... Хочу показать тебе другую жизнь, счастливую.

— Так покажи, — согласилась я, улыбнувшись.

Безмятежность

Констебли и проверяющие из ковена целителей быстро перестали появляться у нас. Несмотря на то, что Мэй не считалась душевнобольной в полном смысле этого слова, произошедшее списали на её состояние, а потому полного расследования проводить не стали. Все же Дом скорби — заведение особенного характера, в котором может случиться все, что угодно. Но я чувствовала, что причина в чём-то гораздо более глубоком и зловещем.

Шерман приказал обновить замок на двери подвала, а рядом с лестницей организовать дополнительный пост смотрительниц. Видимо, он все же серьезно отнесся к моим словам, пусть даже маги ничего подозрительного не обнаружили. А я знала, что оно где-то там... Затаилось, выжидая своего часа, когда люди утратят бдительность... Я не знала, что это за сущность, но была уверена в его существовании, пусть и голоса больше не слышала. Своими мыслями я ни с кем не делилась, даже с Шерманом, ведь это смахивало на безумие еще больше, чем видения о женихе.

Иногда ночью я дожидалась, когда смотрительница уснет за столом, утомившись за день, пробиралась к подвальной двери и сидела на ступеньке в ожидании, даже звала мысленно... сама не знала, кого. Думала, вот услышу голос, сразу побегу к Шерману, который уже несколько дней оставался на ночь в своем кабинете. Но существо молчало, и казалось, что оно насмехается надо мной, словно показывает: вот он я, здесь, но никто тебе не поверит, глупая...

Наконец, Шерман разобрался с накопившимися делами, раздал указания целителям, и мы собрались на отдых в его загородный дом. Я очень радовалась этой поездке и в хлопотах даже позабыла о нависшей угрозе, погружившись в приятные мысли. Отпросилась в город, сходила в лавку готовой женской одежды. Находясь целыми днями безвылазно в четырех стенах, даже не думала о нарядах и смирилась с теми жуткими платьями, что выделила добренькая сестрица. Теперь же все изменилось, и мне снова захотелось быть красивой и нарядной, благо сбережения захватить с собой я успела, когда меня выставляли из дому. Я купила голубое атласное платье, украшенное вышивкой из мелких бусин, а еще два платья попроще из тонкой легкой ткани, шляпку со цветами и удобные туфли для прогулок. Мне уже виделось море, такое, как являлось во снах, и я сгорала от нетерпения.

Наступил долгожданный выходной, и ранним утром мы с Шерманом отправились навстречу новой жизни, которую он обещал мне показать. Я быстро заснула, убаюканная покачиваниями кареты, уютно устроившись на мужском плече. Мы оба молчали, и в этом

тоже было что-то приятное и умиротворяющее. Даже чувства неловкости не было, лишь ощущение близости и тепла. Шерман был прав насчет смены обстановки. Теперь Дом скорби представлялся мне омутом, из которого я никак не могла выбраться, лишь погружаясь еще глубже. А теперь, просто оказавшись в экипаже, я словно вздохнула полной грудью.

Дом Шермана располагался неподалеку от Императорской гавани в живописном местечке, где любили строить особняки столичные богачи. Еще бы, до моря — рукой подать. Двухэтажный дом из красного кирпича, окруженный цветущим садом, понравился мне сразу. И вправду, будто попала в другой мир. Да и в воздухе витал аромат моря, настраивая исключительно на приятные мысли.

— Уверен, тебе будет хорошо здесь, — сказал Шерман, вытаскивая мой саквояж. — Да и я, признаться, очень соскучился по этому месту.

— Мне уже все нравится, — ответила я и первой пошла к калитке.

Не терпелось побыстрее войти в дом и все там осмотреть. На крыльце нас встретила улыбчивая пожилая женщина в зеленом платье — невысокая, полненькая, с милыми ямочками на щеках и седыми волосами, собранными в высокий пучок.

— А это моя тетя Мэгги, — сообщил доринг. — Она время от времени навещает сюда, присматривает за домом. Здравствуй, тетушка!

Мэгги резво сбежала с крыльца и принялась обнимать и осыпать поцелуями племянника.

— Наконец-то дождалась тебя, дорогой! — воскликнула она. — Совсем забыл старушку!

— Прости... Работа, сама знаешь.

— Работа! — укоризненно повторила тетушка, но тут же снова расплылась в улыбке. — Как же я рада тебя видеть, зайчик!

Я едва не прыснула, услышав, как она обращается к племяннику. Да уж, «зайчик» — едва ли подходило взрослому серьезному мужчине, но в ее устах звучало очень трогательно. Наконец, Мэгги обратила внимание и на меня, скромно стоящую в сторонке.

— А это у нас кто? — проворковала она. — Что за милая девушка?

Шерман приобнял меня за плечи и сказал:

— Это Корделия, моя гостья. Прошу любить ее, как меня и не обижать, — шутливо пригрозил он.

— Дорогая, как же я рада вам! — воскликнула Мэгги, кинувшись и меня расцеловывать в обе щеки.

— И я очень рада с вами познакомиться, — сказала, обнимая в ответ милую старушку.

— Я уж думала, не дождусь, когда Шерман сюда барышню приведет...

— Тетушка!

— Не возмущайся, зайчик... Пойдемте лучше обедать, я столько вкусного наготовила!

Мэгги скрылась в доме, не переставая радостно охать.

— Значит, зайчик? — спросила я Шермана с улыбкой.

— Если ты кому-нибудь расскажешь, я наложу на тебя страшное заклятье, — преувеличенно серьезно пообещал мужчина.

— Как скажешь... зайчик.

— Злюка, — хмыкнул Шерман и неожиданно поцеловал в щеку. — Идем, чудо мое, пора обедать. Мэгги теперь не успокоится, пока мы не превратимся в шарики...

Дом оказался просторным и светлым, с дорогой красивой мебелью, многочисленными

цветами в кадках, живописью.

— В детстве мы часто отдыхали здесь всей семьей, — сказал Шерман. — Столько хороших воспоминаний связано с ним...

— А где сейчас твоя семья?

— Родители уехали подальше от столицы, в тихое место. У них есть, сад, огород, где они очень любят проводить время. Навещаю их по мере возможности... А в Дианите у меня только тетя и ее муж, Бэн. Детей у них никогда не было, поэтому она и относится ко мне так...

— Мэгги замечательная, и очень любит тебя.

Шерман не преувеличивал, когда говорил, что мы можем превратиться в шарики. Стол просто ломился от еды, а Мэгги с умилением наблюдала, как мы пробуем ее вкуснятину. Тетушка щебетала без умолку, и вопросам ее не было конца. Шерман, естественно, не рассказал, что я его пациентка. Мы с ним просто познакомились на танцах, пообщались, и теперь дружим с едва зарождающейся романтикой. Я так прониклась его версией, что сама почти поверила. Действительно, новая жизнь...

После обеда Шерман повел меня показывать комнату для гостей, в которой предстояло провести сегодняшнюю ночь. Мы поднялись на второй этаж, и доринг ключом открыл первую же дверь. В комнате было хорошо прибрано, кровать застелена свежим бельем, да и вообще очень даже уютно.

— Тебе нравится? — спросил Шерман подходя так близко, что я чувствовала его дыхание.

— Очень... Спасибо, что привез меня сюда. Это и вправду будто новая жизнь...

Обернувшись, встретилась с внимательными глазами. Мужчина улыбался, и внутри у меня все переворачивалось.

— Я очень хочу порадовать тебя, — шепнул он. — У тебя такая красивая улыбка... Хочу исцелить твою душу.

— Магией?

— Для этого не нужна магия, Лия, — произнес он, касаясь кончиками пальцев щеки, медленно двигаясь к губам.

— А что же нужно? — спросила, замороженно глядя на него.

— Нежность... и ласка. Мне кажется, тебе этого очень не хватает...

Шерман притянул меня к себе, сжал так крепко, что я едва могла дышать. Я слышала бешеное биение его сердца и чувствовала, что дрожу в его объятиях... От смущения, от восторга, от осознания того, как долго я его ждала. Настоящий... реальный... Даже не верилось.

— Ты позволишь мне, Лия? — жарко прошептал мужчина. — Позволишь подарить тебе нежность?

— Да... да... — отозвалась я, почти не понимая, о чем он говорит.

Шерман неожиданно отстранился, взял меня за руку и куда-то повел. Мы прошли до конца коридора, к стеклянной двери, за которой оказалась чудесная лоджия, увитая зеленью. А там, внизу плескалось море... Я даже забыла, как дышать, от восторга. Подошла к перилам, перегнулась, вдохнула воздух полной грудью. Императорская гавань... Я смотрела на величественные корабли с белыми парусами и думала, как бы было хорошо уплыть на одном из них далеко-далеко, к горизонту... в далекую страну, где нет печалей. От смеси ароматов моря и цветов кружилась голова... А, может, кружилась от близости мужчины.

Он подошел сзади, обнял за талию, прикоснулся губами к шее. Я откинула голову и зажмурилась, пытаюсь запечатлеть в памяти каждое ощущение, прикосновение, поцелуй...

— Я так рад, что ты здесь, Лия... со мной. Ты такая красивая, невероятно красивая!

— Мне никто не говорил таких слов...

— Я когда увидел тебя впервые, думал, с ума сойду...

Шерман развернул меня к себе, потянулся к губам, но я отстранилась, упершись ладонями ему в грудь. Одна мысль все же не давала мне покоя.

— Лия, что-то не так?

— Шерман, я... наверное, не должна о таком спрашивать... Я однажды видела тебя с девушкой... там, в саду... Просто...

Я так и не смогла сформулировать мысль, а все стояла и смотрела на высокий ворот его пиджака.

— Лия, я не стану отрицать, что у меня было много женщин. Они все проходили через мою жизнь, как мимолетные увлечения, не оставляя следов. Но вот ты... Я когда тебя увидел, сразу понял, что пропал...

Доринг судорожно сжал мою талию, покрыл лицо торопливыми поцелуями.

— Шерман, ты ведь сказал, что лишь хочешь показать мне другую жизнь, — прошептала я. — Что это для тебя? Лишь способ лечения?

— Неужели ты не чувствуешь, что значишь для меня, милая? Я же спать не могу, все время о тебе думаю...

— И я о тебе, — неожиданно для себя самой призналась я и добавила, чтобы скрыть смущение:

— Зайчик...

Шерман рассмеялся и поцеловал меня.

— Вот вредина! Идем, пора тебе увидеть море.

Мне казалось, что я не хожу, а летаю — так легко было на душе, так радостно, как, наверное, не было никогда. Я надела новое платье, нежно сиреневое, с вышивкой в виде цветов, надела новую шляпку и туфли. Волосы заплела в простую косу и перекинула через плечо, покрутилась перед зеркалом. Я казалась себе очень красивой — глаза просто сияли. Шерман тоже сменил свой обычный строгий стиль и теперь выглядел как никогда притягательно. Свободные брюки и белая рубашка... Он казался таким родным и домашним, что мне мучительно захотелось обнять его и никогда не отпускать... В руках мужчина держал плетеную корзинку, укрытую кружевной салфеткой.

Мы пошли на пляж, держась за руки, разговаривая обо всем на свете. Имперская гавань осталась позади, а передо мной раскинулся пляж, заполненный отдыхающими. Люди купались, загорались. Повсюду бегали дети, кричали, играли... Синие волны накатывали на берег, покрытый золотым песком... Все, как в моих снах. Мне не терпелось подойти ближе к соленой воде, но Шерман не позволил.

— Я знаю тут недалеко спокойное, уединенное место, — сказал он. — Там очень красиво, вот увидишь.

Мы прошли еще немного, оставляя людей позади, через едва заметную тропинку в прибрежных скалах и оказались в настоящей бухте, укрытой от посторонних глаз.

— Я проводил здесь все детство, — сказал Шерман. — Это было мое тайное место, где я мог спрятаться от всего, поразмышлять...

Я скинула туфли, подняла подол платья и ступила на мокрый песок босыми ногами.

Неописуемо приятное ощущение... Вода накатывала на берег, словно лаская кожу.

— Как же прекрасно... — прошептала я.

О купании речи не шло, конечно. Подходящей одежды у меня не было, да и плавать я не умела... К тому же, стеснялась предстать перед мужчиной в откровенном виде. Все-таки мы еще не в таких близких отношениях...

Мы с Шерманом долго бродили на мелководье, дурачились, брызгали водой друг на друга, смеялись... Кажется, я никогда еще не была настолько счастливой. Когда оба уже промокли до нитки, Шерман повел меня к скалам, где было отличное место, чтобы разместиться. Мужчина расстелил плед и разжег костер, чтобы побыстрее обсохнуть. Мы перекусили собранными Мэгги припасами, а потом сидели плечом к плечу, глядя на огонь, размышляя каждый о своем.

— Я ведь ничего не знаю о тебе, Шерман...

— В моей жизни не было ничего интересного. Разве что разочарование... Сильное, сжигающее душу. Поэтому я понимаю твои чувства, Лия, желание избавиться от одиночества. У меня была невеста... Давно, очень давно. Мы должны были пожениться и жить в этом доме, поэтому с ним связаны не только хорошие воспоминания...

— Что случилось с твоей невестой?

— Она ушла... Заявила в один прекрасный день, что любит другого. Что отец заставил ее принять мое предложение, потому что я был очень выгодной партией...

— Ты все еще думаешь о ней? Скучаешь?

— Я скучаю по тому времени, когда был не один и чувствовал, что меня любят.

Я придвинулась к нему, погладила по щеке, по волосам, любуясь им.

— Как она могла тебя оставить? — прошептала я. — Ты ведь удивительный... Ты добрый, заботливый... самый лучший...

Шерман улыбнулся и приподнял меня, пересаживая к себе на колени. Его губы мазнули по щеке, по шее, отчего кожа покрылась мурашками, и я вся задрожала.

— Позволь поцеловать тебя... — прошептал он. — Всего один поцелуй... Моя сладкая нимфа...

— Поцелуй меня, — прошептала, зажмурились.

Его губы коснулись моих, лаская, изучая... Я окунулась с головой в эти ощущения, словно в омут, но на этот раз с большим удовольствием. Наверное, Шерман был прав... Вот так и может исцелиться душа — близостью и теплом, когда одиночество уходит, оставив лишь тень печали. А рядом плескалось море и горел огонь... Огонь разгорался и внутри меня... Хотя на самом деле он горел внутри уже давно, с того дня, как я впервые увидела Шермана.

Назад в омут

Если бы меня спросили о самом лучшем моменте в моей жизни, я бы, не задумываясь, ответила — сейчас, рядом с Шерманом. Все, о чем я грустила, чему радовалась, о чем мечтала — все это отошло на второй план, казалось призрачным, незначительным, словно только сейчас я стала жизнь реальностью, а не мечтой. Запах моря, шелест волн, треск костра, вечерняя прохлада... Все это будет всегда в моей душе... согревать, дарить радость, заставлять сердце сладко сжиматься. А еще его нежные поцелуи и прикосновения... Я даже не думала, что рядом с мужчиной может быть так хорошо и спокойно, что не захочется расставаться ни на секунду. Шерман стал центром моего мира — нового мира, показать

который он мне обещал и сдержал слово. Вот только долго ли я здесь пробуду?

— Почему ты загрустила? — прошептал Шерман.

— Я подумала, что все хорошее у меня слишком быстро кончается.

— Значит, я — хорошее?

Я чуть отстранилась и взглянула на него. Я по-прежнему сидела у мужчины на коленях, обнимала его, а костер уже почти догорел, отчего я с трудом могла разглядеть его лицо в полумраке. Скалы скрывали наше место от ярких огней Императорской гавани, и даже луна не заглядывала сюда. Я знала, что Шерман улыбался и не спускал с меня глаз. Я дотронулась до его щеки, погладила, стараясь вложить в этот жест всю нежность, на которую была способна. Приблизилась к его лицу и поцеловала. Шерман судорожно вдохнул, и его руки сжали меня так крепко, что я едва могла дышать, но другого мне не хотелось.

— Ничего не закончится, Лия... Я так хочу быть с тобой.

Уже совсем стемнело, и пора было возвращаться домой. Мы покинули убежище и пошли по тропинке среди скал, а я любовалась морем напоследок. В темноте оно казалось еще более величественным и даже зловещим, а небо нависало над ним тяжелым звездным пологом. Казалось, в его глубинах скрываются удивительные создания, прекрасные и страшные, и от этих мыслей внутри все холодело. Но теплая рука, сжимающая мою, спасала от всех страхов и тревожных мыслей.

В доме царили тишина и ночной покой. Шерман проводил меня до комнаты. Мы с ним стояли молча около двери, не размыкая рук. Слова были не нужны, лишь близость, но все же Шерман заговорил:

— Если снова услышишь тот голос, ты ведь придешь ко мне?

Я неуверенно кивнула.

— Не нужно стесняться, Лия, ты ведь знаешь, что я не сделаю ничего предосудительного... Ты можешь прийти в любое время.

— Я обещаю.

— Хорошо... Тебе понравился сегодняшний день?

— Очень понравился, — искренне ответила я. — Спасибо тебе огромное за такой подарок.

— У нас будет еще много таких дней, — пообещал Шерман, целуя меня. — Спокойной ночи, моя сладкая нимфа...

Ночью я не слышала никаких голосов. Наоборот я выспалась так хорошо, как не бывало уже долгое время. На меня больше не давили мрачные стены Дома скорби, не будил посреди ночи плач соседки... Это было так прекрасно, что я проспала почти до обеда. Приведя себя в порядок, спустилась на первый этаж. Шерман и Мэгги сидели на диване рядышком и о чем-то беседовали. Увидев меня, мужчина тепло улыбнулся, подошел и поцеловал меня в щеку почти целомудренно. Этот жест показался мне очень трогательным. В нем была забота, привязанность и еще многое, скрытое внутри.

Пообедав и поболтав с тетужкой, мы с Шерманом отправились на лоджию. Сегодня на улице было пасмурно, и накрапывал мелкий дождь. Осень неумолимо приближалась к Солнечному острову.

— Вечером нужно возвращаться в город, — грустно произнес Шерман.

— Конечно, тебе ведь нельзя надолго оставлять пациентов, — ответила, постаравшись скрыть печаль в голосе.

— Знаешь, о чем я подумал, Лия? Тебе вовсе не обязательно возвращаться в Дом скорби.

Ты не нуждаешься в лечении, ведь причина видений крылась в артефакте.

— А как же голоса?

— Ты просто очень впечатлительная. Здесь ведь тебя ничего не беспокоило...

— И где же мне жить? — спросила я, усмехнувшись. — Суды наверняка продлятся не одну неделю. Лаура разрешила мне остаться, и я не думала, что ты будешь против...

— Я не против, Лия, — сказал Шерман, притягивая меня к себе. — Но ты могла бы... остаться здесь, в моем доме.

— Это как-то... неудобно, — прошептала, глядя в его глаза.

— Ерунда... Мэгги бы осталась с тобой, да и я постарался бы почаще навещать тебя. Я вчера видел твои глаза, Лия, ты была совсем другой. Живая, веселая... счастливая. Я всегда хочу видеть тебя такой.

Как бы мне хотелось согласиться, остаться в этом чудесном доме, где исчезли все мои страхи, где я больше не чувствовала себя несчастной и безумной. Видеть море, слышать его... прикасаться...

— Я должна вернуться, Шерман, — проговорила, сама с трудом веря, что произношу это на самом деле.

— Зачем?

— Я должна помочь им... Карэн, Трою и Райану.

— О чем ты, Лия? — удивился Шерман. — Как ты можешь им помочь? Уж не думаешь ли ты, что в их болезни тоже виновата твоя сестра?

— Нет, конечно, нет... Тут что-то другое, и я чувствую, что смогу разобраться.

Я отвернулась и вцепилась в перила, рассматривая хмурые морские волны. Нечто подобное сейчас творилось в моей душе.

— Я все понимаю... — тихо произнес Шерман. — Ты считаешь меня беспомощным, ведь я так и не смог разобраться... Но я обещаю тебе, что смогу, обязательно разберусь...

— Не надо, Шерман, не говори так. Ты вовсе не беспомощный.

Я порывисто обняла мужчину, прижалась щекой к его груди, услышав, как сильно бьется его сердце.

— Есть в этом нечто зловещее, — прошептала я. — Что-то такое, о чем еще никто не слышал, чего не почувствовать обычной магией.

— Ты точно хочешь вернуться?

— Хочу... Прошу, не удерживай меня.

Мы возвратились в Дом скорби затемно. Наскоро попрощавшись, я отправилась в женскую спальню, а Шерман по обыкновению остался ночевать в кабинете. Я пыталась уснуть, ворочалась с боку набок полночи, наверное, но бессонница, похоже, полностью захватила меня. Взглянув на мирно спящую Карэн, я даже немного позавидовала ей, а еще обрадовалась. Похоже, голоса ее не донимают, как несчастную Мэй. Закутавшись в плед, пошла по коридору к подвальной двери. Смотрительницы, как обычно, спали на постах, пренебрегая указаниями начальства, но инее это было только на руку.

Свечение я заметила еще издалека. Ноги ослабели от страха, но я все же пошла дальше, потому что во что бы то ни стало должна была узнать, что скрывается в подвале! Остановившись на верхней ступеньке лестницы, взглянула вниз и увидела золотую дверь. Она сияла в темноте, и только скважина выделялась черным пятном. Я медленно спустилась и дотронулась до металла, желая убедиться в реальности происходящего. Дверь на ощупь казалась теплой и пульсирующей, словно живая...

— Эй, ты! — тихо позвала я, сама не зная, к кому обращаюсь. — Поговори со мной.

— Здравствуй, Корделия, — раздался тихий шипящий голос. — Я ждал тебя.

— Почему молчал раньше? Испугался магов?

— Хочешь поговорить?

В голосе звучала усмешка.

— Кто ты? Ответь... Что ты сделал с Мэй?

— Хочешь увидеть меня, Корделия?

— Хочу... — прошептала, а внутри все содрогалось от страха.

Воображение рисовало страшное неведомое чудище, скрывающееся за золотой дверью.

Если она сейчас распахнется, я наверняка потеряю сознание от страха...

— Покажись мне! — произнесла, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

Настала тишина, которая нарушалась лишь бешеным стуком моего сердца. Казалось, даже время остановилось на несколько секунд.

— Я знаю твое заветное желание... — произнес голос. — Хочешь, исполню его? Я могу все...

— Дай мне тебя увидеть, — упрямо произнесла я, наваливаясь всем телом на золотую дверь, но та не поддавалась.

— Правда, хочешь? — усмехнулся голос. — Тогда держи.

Рядом со мной что-то звякнуло, и я увидела на каменном полу золотой ключ в форме тюльпана, выкованного настолько искусно, что я залюбовалась им. На ощупь металл тоже казался теплым. Я заморожено смотрела на ключ, чувствуя, что голова начинает кружиться.

— Иди ко мне, Корделия... Ты будешь счастливой.

Я медленно поднесла ключ к замочной скважине, вставила, повернула... Раздался громкий щелчок, и я... проснулась.

— Лия, очнись!

Распахнув глаза, увидела встревоженное лицо Карэн, которая трясла меня за плечи.

— Что такое? — прохрипела я, чувствуя боль в горле.

— Ты стонала и билась во сне, — ответила Карэн. — Я никак не могла тебя разбудить. Как ты себя чувствуешь?

Я села в кровати и едва не упала обратно, потому что в голову ударила сильная боль. За окном уже рассвело, и я никак не могла понять, как оказалась в собственной постели, если секунду назад пыталась открыть золотую дверь... Ключ! Я принялась искать его, перетряхивая одеяло, подушку. Карэн глядела на меня, как на сумасшедшую.

— Лия, с тобой точно все в порядке?

Девушка села рядом со мной и положила ладонь на лоб.

— Похоже, у тебя жар, — констатировала она. — У Мэй также все начиналось.

Карэн отдернула руку и поглядела на меня с ужасом.

— Все нормально, не волнуйся, — сказала я, вставая и подходя к зеркалу, чтобы привести себя в порядок.

Неужели приснилось? Не может быть... Это не могло быть сном! Я так явственно ощущала странное тепло золота и пульсацию, похожую на дыхание живого существа...

— Похоже, мы здесь надолго застряли, — грустно произнесла Карэн. — Хотя, знаешь, у меня уже три дня не было приступов. Когда вы с Шерманом уехали, я боялась, что снова... Но ничего!

— Я очень рада, Карэн. Ты обязательно поправишься.

— Не надо было мне, наверное, ходить к той знахарке...

Я так и замерла с гребнем в руках.

— О чем ты? К какой знахарке? — спросила, подходя к ней.

— Мадам Дрэйк... Неужели не слышала? Она недавно в столице, и уже очень известна.

Такая сильная... Сильнее любого мага из ковена.

— Нет, не слышала... А зачем ты ходила к ней?

— Мне нравится один парень, — смущенно произнесла Карэн. — А он называл меня дурнушкой, говорил, что нос длинный, щеки полные... А я хотела, чтобы он меня полюбил.

— И что же, мадам Дрэйк его приворожила?

— Нет, но она сказала, что я буду самой красивой... Знаешь, Мэй тоже ходила к ней.

Бедняжка тайно встречалась с кем-то, все мечтала о ребенке.

— Карэн, почему ты раньше не говорила об этом? — воскликнула я.

— Не знаю, в голове туман словно был... Да и какая разница, если не сработало?

Это ведь та самая недостающая деталь, которую я искала! Может быть, именно загадочная мадам Дрэйк связывает каким-то образом моих друзей по несчастью?

Лия проводит расследование

— Карэн, расскажи еще об этой знахарке, — попросила я.

— Да что рассказывать? Приехала в столицу недавно, откуда-то с востока... Не помню точно. У нее в клиентах сплошные богачи...

— Тогда как Мэй смогла оплатить ее услуги? — недоверчиво спросила я.

— Мадам Дрэйк очень добрая и всем помогает, даже тем, кто не имеет больших средств. Например, с меня она взяла смехотворную сумму, сказав, что я достойна помощи... А еще сказала, что я ей подхожу...

— Для чего подходишь?

Карэн замолчала, будто не слыша меня. Пришлось взять ее за руку, чтобы привлечь внимание.

— Карэн, ты слышишь меня?

— Я... не помню, — пробормотала девушка. — А ты почему так интересуешься? Хочешь попасть на прием? Ну и зря, ведь у тебя и так все есть.

— С чего ты так решила?

— Такой мужчина рядом, так что еще нужно? Шерман замечательный...

— Да... конечно, — машинально ответила я, но в голове бродили совсем другие мысли.

Значит, мадам Дрэйк... Карэн точно обращалась к ней перед тем, как впасть в безумие. Мэй, похоже, тоже к ней ходила, хотя это мне сейчас не проверить. А вот остальные... Нужно было поговорить с мужчинами, прежде чем делиться новой версией с Шерманом. Я постучалась в дверь мужской комнаты и, услышав голос Райана, осторожно вошла. Мы с ним почти не общались за время моего пребывания здесь, да и вообще он предпочитал одиночество, но сейчас мне было просто необходимо с ним поговорить.

Райан стоял у окна, не двигаясь. На мое приветствие он никак не отреагировал, но я не стала обращать внимание на его обычную угрюмость.

— Райан, как у тебя дела? Как себя чувствуешь?

Других вопросов я придумать не смогла, а начинать сразу разговор о знахарке было как-то странно. Мужчина обернулся и посмотрел на меня удивленно.

— Я хорошо себя чувствую, Корделия. А почему тебя это интересует? Или доринг

назначил тебя своим заместителем?

Звучало совсем не любезно, но к такому его поведению уже все привыкли. Я решила сказать все, как есть. Все-таки при всем своем отношении к остальным и странной одержимостью собственным превосходством, Райан всегда был самым спокойным из пациентов, не устраивал истерик. Если кто и смог бы меня понять до конца, то только он.

— Может быть, тебе покажутся странными мои вопросы...

— Посмотри, где мы находимся, Корделия, — перебил меня мужчина. — Здесь ничего не может казаться странным...

— Я хочу помочь! Нам всем... выбраться из этой западни. Я чувствую, что могу.

Райан взглянул на меня недоверчиво.

— Скажи, ты знаком с мадам Дрэйк? Это знахарка, которая...

— Ну, знаком, и что с того?

Я едва не вскрикнула, потому что моя теория продолжала подтверждаться.

— Ты ходил к ней на прием?

Райан рассмеялся.

— Ты шутишь? Мне бы и в голову такое не пришло, еще деньги на такое тратить. Мадам Дрэйк покупала у меня рыбу. Платила щедро... И все любезная такая, разговор заводит. Ты, говорит, такой хороший человек, достоин счастья. И давай выпрашивать о моем заветном желании.

Я даже вздрогнула от его слов, будто снова услышала тот страшный шипящий голос.

— Я, конечно, откровенничать с ней не стал, от помощи отказался. Кто знает, чего ждать от этих магов? А сам, видно, так долго думал об этом, что даже умом повредился. Пригрезилось, будто стал я знатным вельможей... Значит, что-то сделала все-таки со мной, ведьма!

— Почему ты никому не рассказал об этом?

— Не знаю... не подумал как-то... Вот ты спросила, и вспомнил...

Райан нахмурился, отвернулся и вновь уставился в окно. Значит, заветное желание... Странно, обычно маги подобным не занимаются. Мадам Дрэйк обладает особыми способностями? Карэн мечтала о красоте, бедняжка Мэй о ребенке, а Райан — стать аристократом. Вот только мечты их сбылись немного не так, как хотелось... Такое впечатление, будто в магии произошел какой-то сбой, что привело к помутнению рассудка. Эти желания обернулись для людей катастрофой. Райан чуть не умер от истощения, Мэй страдала о потерянном ребенке, а Карэн казалось, что лицо ее обезображено... Колдовство, если оно было, принесло лишь несчастья. Мадам Дрэйк либо сделала это намеренно, либо использовала какую-то магию, в которой сама до конца не разобралась, что, собственно, вины с нее все равно не снимает.

Осталось разобраться с Троем... Чего же пожелал он? Избавиться от жены? Как-то глупо идти за этим к знахарке... Я отыскала его в саду и устроила допрос с пристрастием. К моему разочарованию, Трой уверил, что понятия не имеет, кто такая эта мадам Дрэйк. И уж точно он к ней никогда не ходил и помощи не просил. Можно, конечно, было списать это отрицание на душевное состояние мужчины, но он говорил так искренне... Впрочем, про убийство жены он рассказывал не менее искренне... В любом случае, ничего полезного из Троя мне вытащить не удалось. Моя теория рушилась на глазах...

Я села на любимую скамейку под яблоней и задумывалась. Возможно, история Троя здесь не причем, и он в самом деле тронулся умом... Когда я раньше анализировала

ситуацию, то выделяла наши случаи с Троем отдельно, как не похожие на остальные. Со мной теперь все прояснилось, а вот с ним... Что-то мне подсказывало, что его беда стоит в одном ряду с остальными, но как ее объяснить? А что, если зайти с другой стороны? Вдруг Трой не сам загадывал заветное желание, а сам стал частью желания другого человека? Я сосредоточилась, вспоминая приступ мужчины, когда тот увидел якобы покойную жену... Перед глазами стояла Камилла, которая обливалась слезами и повторяла: «Это я виновата... Я во всем виновата...» А, может, правда виновата?

Мне не терпелось рассказать обо всем Шерману, но, к сожалению, доринг уехал в ковен, пообещавшись вернуться к ужину. Меня это очень расстроило, и я уже решила приостановить изыскания... Правда, надолго меня не хватило. К знахарке я бы не решилась пойти в одиночку, но вот к Камилле я вполне могла бы сходить и выяснить что-нибудь новое, если повезет. Пришлось впервые воспользоваться свободным доступом в кабинет Шермана. Я отыскала карточку Троя и посмотрела его домашний адрес. Наврав Лауре, что иду в магазин, отправилась к Камилле, надеясь, что она не выставит меня вон с моими вопросами.

Дверь мне открыла горничная. К моей радости, Камилла оказалась дома. Женщина сначала смотрела на меня непонимающе, но потом в ее глазах появилось узнавание.

— Здравствуйте! Вы, наверное, не помните меня...

— Я вас видела в Доме скорби, — сказала Камилла и тут же встревожено спросила:

— Вы ведь целительница? Что-то плохое случилось с Троем?

Ее руки дрожали, а глаза наполнялись слезами.

— Не волнуйтесь, с Троем все хорошо. Если можно так сказать... Меня зовут Корделия, и я не целительница. Я такая же пациентка, как и ваш муж.

Камилла тут же поменялась в лице и сделала шаг назад.

— Что вам нужно от меня?

— Я хочу помочь... Трою и остальным. Поговорите со мной, прошу.

— Как вы можете помочь? — раздраженно спросила женщина. — Даже доринги ничего не могут сделать... Я прошу вас уйти и не мучить меня!

Камилла развернулась и быстро направилась к выходу, но я не могла этого допустить.

— У вас есть заветное желание?

Женщина застыла на месте.

— Что вы сказали?

— Я спросила о вашем заветном желании. Оно есть у всех, и даже у Троя наверняка...

Вот только непонятно, что вы попросили, раз он вас похоронил.

Камилла медленно обернулась и прожгла меня взглядом.

— О чем вы говорите? Я не понимаю...

— А я думаю, что прекрасно понимаете. Прошу вас, ради Троя... Если он вам на самом деле дорог.

Камилла вздохнула и устало опустилась в кресло. Она и вправду выглядела несчастной, а при упоминании имени мужа вздрагивала, словно от удара. Вряд ли она пожелала избавиться от него навсегда...

— Что вы хотите знать? — тихо спросила она.

Я подошла к ней, села рядом, прикоснулась к дрожащей руке.

— Камилла, вы обращались когда-нибудь к некой мадам Дрэйк? Знахарке...

Женщина помолчала немного, а потом стала рассказывать тихим монотонным голосом:

— Подруга посоветовала... Сказала, что мадам Дрэйк приехала откуда-то с востока, а у них там своя магия, не похожая на нашу. Сказала, что она все может... все, что попросишь... У нас с Троем давно все разладилось. Жили, как соседи, даже ребенка я не смогла ему подарить. Чувствовала, что стал он холодным, чужим... А мадам Дрэйк сказала, чтобы не волновалась я, что все можно исправить. Только, говорит, надо, чтоб это мое самое заветное желание было, чтобы ничего другого не хотела, как этого...

— И что же вы попросили?

— Счастья я для него попросила... Для Троя. Подумала, пусть ему хорошо будет, даже без меня... Люблю я его очень... так люблю, что умереть хочется...

— И что сделала мадам Дрэйк?

— Ничего не сделала. Просто сказала, что желание мое обязательно исполнится, что есть способ один... надежный... Надежнее всякой магии.

— Что за способ такой?

— Не знаю... Не поверила я ей. Убежала, даже денег не заплатив. А через несколько дней этот ужас с Троем случился. Я подумала, что меня боги наказали...

— При чем тут боги? Камилла, почему вы не рассказали об этой проклятой знахарке никому?

— Не знаю... правда, не знаю...

Я почувствовала непреодолимое желание сейчас же придушить эту неведомую мадам Дрэйк, которая оказалась замешенной во всех несчастьях моих новых друзей. Что это за колдовство такое, разрушающее жизни? Камилла счастья для любимого мужа попросила, а что вышло? Трой забыл ее напрочь и теперь считает себя убийцей. Это счастье что ли? Больше похоже на проделки какого-то злобного мага, который специально творит гадости для собственной забавы. Но ведь у мадам Дрэйк множество клиентов, которые полностью довольны ее работой... Что ж, пора встретиться с этой загадочной знахаркой. Вот только Шермана дождусь, и продолжу расследование!

Зловредный дух

Я сидела, как на иголках, в ожидании Шермана. Трой все хотел поговорить со мной, спрашивал, чем я расстроена, но я лишь отмахивалась. Сейчас я могла думать лишь о том, что вот-вот распутаю клубок, разгадаю тайну. Единственным слабым звеном в стройной теории участия в этом деле загадочной знахарки оказалась я сама. Ведь я точно знала, что никогда не обращалась к ней за помощью... Впрочем, после истории с подписанием бумаг на имущество, о котором я совершенно не помнила, я бы ничему не удивилась. Неужели я все-таки обращалась к мадам Дрэйк? Если подумать, для меня это совершенно не свойственно... Мне бы и в голову не пришло обращаться к магам, даже если бы я совсем отчаялась. Не то, чтобы я не верила им, просто считала всегда, что все должно быть естественно, послано свыше, а не навеяно магией.

Тогда почему я слышала тот странный голос? Да и слова о заветном желании... Я сегодня слышала их несколько раз, от всех своих друзей по несчастью. Наверняка это ключ ко всему... Ключ! Я вновь вспомнила ту ночь, когда разговаривала с неведомым существом из подвала. Словно наяву ощущала тяжесть золотого ключа в руке... Было ли это на самом деле? Наверняка... Я теперь могу отличать видения и реальность. Создание с шипящим голосом все еще там, внизу, и ждет меня. Не знаю, что меня остановило тогда... Почему я не открыла дверь, почему сбросила чары...

Наверное, я стала намного сильнее. Да, у меня есть заветное желание, но дело в том, что оно уже почти сбылось. Шерман подарил мне столько радости, подарил ощущение защиты и покоя. Мне не хотелось больше жить в выдуманном мире, в отличие от моих друзей. Они каждый раз выбирали иллюзии, несмотря на то, что они были ужасными. Наверное, у них не хватало сил, не было сильного стимула жить в реальности, оттолкнуть видения, а у меня есть теперь. У меня теперь есть Шерман.

Доринг вернулся к ужину. Я еле дождалась его, извелась вся. Увидев его, тут же вцепилась и принялась рассказывать обо всем, что мне удалось узнать за этот долгий день. Не умолчала и о ночном происшествии, рассказала про голос, про золотую дверь и ключ. Шерман серьезно отнесся к моим словам и заставил меня пообещать, что я больше никогда не пойду одна к подвалу. Ну а как не ходить? Может быть, я единственная, кто может раскрыть эту тайну... Единственная, кто слышит злополучный голос. Ну почему это существо выбрало меня?

— Лия, ты меня слушаешь? — спросил Шерман, нахмурившись.

— Прости...

— Я знаю, что в твоей головке уже созрел план по всеобщему спасению, но даже не мечтай об этом, — строго сказал доринг. — Я сам разберусь с этой знахаркой и с тварью, засевшей в подвале. А тебе лучше уехать...

— Шерман, ну пожалуйста...

— Я зря послушал тебя, привез обратно...

Я притянула его к себе, обняла за плечи.

— Пожалуйста, послушай меня. Я смогу помочь, правда, я чувствую. Ты не справишься без меня, Шерман. Это существо... ему что-то нужно от меня, почему-то именно от меня.

— Лия, мне страшно за тебя, — прошептал Шерман, прижимая меня к себе. — Мне хочется оградить тебя, спрятать от всего. Ты так дорога мне.

— Не спрятаться от самой себя, пойми. Я должна разобраться, прежде всего, для себя самой. Ты говорил, что покажешь мне другую жизнь... Я очень хочу, но это невозможно, пока преследует прежняя. Нужно все закончить и оставить в прошлом.

— Только пообещай, что ничего не станешь делать без меня.

— Тогда и ты пообещай, Шерман. Мы сейчас идем с тобой к мадам Дрэйк, и даже не пытайся возражать.

Доринг возражать не пытался. Я выяснила у Карэн, где живет знахарка, и мы с Шерманом поехали по вечерней столице. Апартаменты мадам Дрэйк арендовала в центре города, неподалеку от дворцовой площади, из чего следовало, что дела у нее шли очень удачно. Дом оказался небольшим, но очень добротным — из белого кирпича, с железной двускатной крышей и высоким забором, увитым зеленью. Калитка оказалась распахнутой, и мы вошли во двор. Из дома вышла невысокая смуглая девушка в широких шелковых брюках, длинной тунике и ярким платком на голове. Я сразу поняла, почему-то, что она не знахарка, потому что представляла ее более эффектной женщиной.

— Сегодня приема нет! — воскликнула незнакомка неприятным высоким голосом. — Приходите завтра — начнется запись на следующий месяц.

— У нас срочное дело, — невозмутимо ответил Шерман. — Проводите к мадам Дрэйк, пожалуйста.

— Но я же сказала...

— Мы можем вернуться с констеблями, — предупредил доринг. — Стоит ли все

усложнять?

Девушка злобно зыркнула на меня, развернулась и пошла в дом, махнув нам рукой.

Когда я вошла внутрь, мне сразу же захотелось вернуться на воздух. В доме витал резкий сладкий аромат, от которого у меня голова заболела. Кругом разливалось буйство красок. Повсюду ковры с причудливыми узорами, мягкая мебель с подушками, шелковые занавески, разделяющие комнаты.

— Кто там, Карима? — раздался низкий бархатный женский голос.

В комнату вплыла... Да, по-другому я не могла бы сказать. Именно, вплыла... Высокая стройная женщина в дивном роскошном наряде. Длинное красное платье со шлейфом, расшитое золотом, с широкими длинными рукавами. Ее вьющиеся черные волосы рассыпались по плечам, слегка прихваченные золотой диадемой, а сверху укрыты прозрачной длинной вуалью, украшенной россыпью сверкающих камней. Женщина явно была в возрасте, но это не мешало ей быть ослепительно красивой — смуглая, с огромными глазами цвета спелых вишен, пухлыми губами, тонкими черными бровями. Я даже дар речи потеряла от такой красоты.

— Простите, я пыталась им объяснить... — пролепетала Карима.

— Здравствуйте, — сказал Шерман. — Простите, что пришли в неурочное время, но вопрос не терпит отлагательств.

Знахарка вдруг одним плавным движением скользнула к нему и дотронулась пальцами до щеки. Мужчина вздрогнул, а меня кольнула ревность. Наверняка все мужчины в восторге от такой красавицы...

— Господин маг, — протянула знахарка. — Очень интересно... Проходите, прошу.

Мадам развернулась и скрылась в соседней комнате. Я пошла за ней и попала вновь в яркую сказку. Та же мягкая мебель, шелковые ткани... Только посередине комнаты большой стол, на котором в блюдах дымились разноцветные палочки. Кажется, от них и распространялся приторный аромат. А у стены располагался шкаф с многочисленными полками, на которых стояли разных размеров баночки и склянки непонятного содержания.

— Присаживайтесь, я всегда рада гостям, — произнесла хозяйка, занимая место во главе стола.

Мы с Шерманом разместились напротив. Я рассматривала все вокруг, как замороженная. Мне казалось, что придя сюда, я почувствую угрозу и опасность, но все было как раз наоборот. Мне нравилось в этом доме, несмотря на странную, словно чужеродную, атмосферу.

— Мне приятно, господин маг, что вы решили посетить меня. Уверю, что не разочарую вас и вашу прелестную спутницу. Уверю, у меня есть много снадобий для разжигания любовной страсти, — сказала знахарка, томно улыбнувшись.

Я покраснела даже, услышав такое, но Шерман оставался совершенно невозмутимым.

— Благодарю, но нам не требуется никакое разжигание. Я целитель из Дома скорби, и у меня есть основание полагать, что вы причастны к душевным расстройствам некоторых моих пациентов.

Женщина разом помрачнела.

— Светлейший, вы можете поговорить с любым из моих клиентов. Уверю, что не услышите плохого слова.

Шерман протянул знахарке лист бумаги.

— Вот имена пациентов. Каждый из них каким-то образом был связан с вами как раз

перед тем, как попасть в мое замечательное заведение. Странное совпадение, вы так не считаете?

Мадам кажется разом растеряла всю свою уверенность. Дрожащими руками она развернула лист, пробежала глазами и молча отложила в сторону.

— Ничего не хотите рассказать, мадам Дрэйк? — спросил Шерман, сверля ее взглядом.

— Меня зовут Азхар, — тихо произнесла женщина. — Это означает «цветущая»... А мадам я выдумала, чтобы было привычнее для здешней публики.

Шерман поднялся и подошел к шкафу, разглядывая склянки.

— Откуда вы приехали, Азхар? — спросил он.

— С Лунного острова...

— Восточная магия? Я читал о ней... Правда, ничего не помню о заклинаниях, исполняющих желания.

Женщина замерла. Мне казалось, что она очень напряжена, словно Шерман уличил ее в чем-то ужасном, и теперь она мучительно придумывает, как оправдаться.

— Азхар, прошу вас, расскажите все, — тихо сказала я, наклоняясь вперед. — Это важно, очень важно... Люди страдают, а мы никак не можем им помочь.

— Я не хотела ничего плохого, — ответила знахарка, поднимая на меня взгляд.

В ее глазах я увидела страх, и поверила ей, правда поверила. Женщина сама опасалась того, что сделала, намеренно или случайно...

— Азхар, ответьте, что вы сделали? — спросил Шерман, подходя ближе и склоняясь над ней.

Женщина взглянула на доринга так, словно перед ней был имперский прокурор, не меньше.

— Я лишь хотела помочь, правда. Они приходили ко мне, такие несчастные... Я знала, что это опасно, но думала, что справлюсь. Я была уверена...

Она вскочила и заходила по комнате, нервно теребя края вуали.

— Наставник предупреждал, что с джиннами опасно связываться, но мне казалось, что у меня столько силы...

— Джинн? — переспросил Шерман. — Вы шутите?

— Если бы...

Азхар достала с полки небольшой потертый кувшин с крышкой в виде ракушки и поставила на стол.

— Вот здесь он жил, — сказала она. — У нас считается, что джинны давно покинули этот мир, но это не так. Наставник как-то рассказал мне о нем, что еще в молодости купил кувшин у одного торговца древностями, но ни разу не вызывал, потому что боялся. Заклинания, позволяющее изловить это существо, давно утрачено, но вот контролировать его вполне возможно... Только нужно очень много силы.

— И вы решили, что вам силы хватит? — спросила я.

Азхар промолчала. А я вспомнила сказки, которые читала в детстве. В них было все легко: джинн эффектно появляется из своего жилища и легко исполняет желания нового хозяина. В реальности же все оказалось гораздо сложнее.

— Значит, вы вызвали джинна, чтобы исполнять желания клиентов? — спросил Шерман.

— Я надеялась на успех! Думала, что стану известной по всей Империи! Думала, что помогу людям...

— Но вы только навредили! — воскликнула я. — Почему все желания исполнились не так?

— Я потеряла контроль над джинном, — призналась Азхар. — Мне не хватило силы, и удерживающие чары спали! Он больше не подчинялся мне! Поймите, это не просто магическое создание. Джинн — это живое существо, со своим разумом, мыслями, со своей логикой, которую нам не постичь! Они существовали с сотворения мира, еще до появления людей... За сотни лет у них остались лишь примитивные стремления навредить нам — тем, кто веками использовал их волшебную силу. Зловредные духи могут исполнять желания, но у них весьма своеобразные представления о том, что лучше человеку. Без контроля они приносят только зло, заодно и жизненной силой питаются. Всего-то пара дней... Эти пять человек из списка, я помню их... Вот только, кажется, у Троя жена ко мне обращалась. Я вызвала джинна, хотела приказать ему исполнить пять заветных желаний, но не справилась с магическими потоками. Это существо невероятно сильное. Оно обладает не такой магией, как мы привыкли. Это что-то другое... это часть их сущности.

— Поэтому маги и не смогли ничего почувствовать, — сказал Шерман. — Мы просто не смогли понять, потому что никогда с таким не сталкивались.

— Джинн посмеялся надо мной, сказал, что сам разберется с желаниями жалких людишек, которые сами не знают, чего хотят... Он исчез без следа...

— Почему вы никуда не сообщили о нем? — спросила я.

— Я не могла потерять репутацию. Это был бы крах для меня...

— Значит, этот самый джинн поселился в подвале Дома скорби, — задумчиво произнес Шерман. — Поближе к тем, чьи желания исполнял, и теперь пьет жизненные силы, не давая людям прийти в себя.

— Он теперь все сделает, чтобы больше не быть пойманным.

— Азхар, скажите, почему джинн говорит со мной? — спросила я.

— Нашел новую подходящую жертву. Вы привлекли его чем-то... Возможно, вы чего-то страстно хотели.

Мы с Шерманом посмотрели друг на друга. Доринг отошел от стола и устало потер ладонями лицо.

— Азхар, вы должны помочь нам избавиться от джинна, — сказал он. — Позовем магов, придумаем ритуал... Нам хватит силы... А помощью вы немного смягчите свою вину.

— Нужно действовать осторожно, иначе спугнем, — ответила знахарка. — Джинны очень хитрые, но я знаю пару способов. Не будь я такой самоуверенной, все было бы иначе...

— Сейчас главное все исправить, — хмуро сказал доринг.

— Светлейший, поверьте, я правда не хотела зла... Мне так жаль... так жаль...

Азхар закрыла лицо руками. Ее плечи содрогались от рыданий. Значит, хотела людям помогать... Или все же известности и славы? Похоже, сама до конца не смогла понять. В любом случае, зла Азхар точно не хотела, да и раскаивалась явно искренне. Главное, что мы узнали правду, а это означало, что был шанс помочь моим друзьям.

Заветное желание

Азхар сменила роскошный наряд на скромное синее платье и сняла сверкающую вуаль, а еще перестала соблазнять всех вокруг томными взглядами и сладкими речами. Из модной знахарки, которую обожали столичные богачи, она превратилась в испуганную женщину. Она теребила в руках зеленую стеклянную бутылочку и то и дело осматривала

присутствующих взглядом, полным надежды, и внимательно слушала, о чем они говорят. Мне казалось, что ей хотелось, чтобы кто-нибудь успокоил ее, убедил, что она ни в чем не виновата, хоть это было и не так. А я смотрела на нее и невольно любовалась. Все-таки красивая женщина, да и есть в ней что-то притягательное. Не удивительно, что у нее появилось столько поклонников. Азхар и вправду очень сильная и способная. Она не шарлатанка и никого не обманывала, но вот как все вышло в итоге...

Сегодня в Доме скорби было много гостей. Помимо восточной знахарки в кабинете Шермана разместился целый отряд боевых магов — четверо мужчин в серебряных доспехах, с непонятными подвесками и браслетами. Все, как на подбор, высокие, подтянутые, с длинными волосами, перехваченными серебряными обручами. Шерман говорил, что каждая деталь их обмундирования может стать грозным магическим оружием.

Вот только мне думалось, что даже с такими сильными помощниками нам так просто не справиться с джинном. Это существо пугало меня до дрожи. Я не видела его, а оттого еще больше боялась. Оно представлялось мне всемогущим, непобедимым... Однако я бросала взгляд на спокойного и уверенного Шермана, и чувствовала, что мы справимся. Уж я-то точно собиралась сделать все для этого, тем более, что грядущем действии мне отводилась главная роль. Доринг все пытался меня отговорить и спрятать куда угодно, лишь бы подальше отсюда, но я была непреклонна.

Главный в отряде магов — Рик Раймс — внимательно слушал Шермана и то и дело удивленно присвистывал. В наших краях о джиннах слышали лишь из сказок, да и воспринимали не злобными духами, а волшебными существами, приносящими в повествование нотку загадочности и романтики. Но все было не так на самом деле. Джинн вредил людям, пил их жизненные силы, сводил с ума. Если действовать поспешно, можно спугнуть, и тогда он найдет себе новое логово, а еще новых жертв.

— Азхар, ваша очередь делиться знаниями, — сказал Шерман, беря в руки кувшин, бывший тюрьмой для нашего джинна. — Как его вернуть обратно?

— Большую часть времени джинн — бестелесный дух, и его не увидит человек. Он воздействует на сознание, вызывая образы, видения. Обманывает, завораживает... Чтобы изловить джинна, нужно, чтобы он принял телесную форму, стал материальным. Но и тут его будет сложно обхитрить. У меня есть одно зелье, которое может помочь.

Азхар протянула Шерману зеленую бутылочку. Доринг повертел ее в руках, посмотрел на свет. Сквозь стекло было видно, что жидкость пузырится и светится.

— Разлитое зелье одурманит джинна, ослабит его, но лишь на несколько секунд, — объяснила знахарка. — У вас будет мало времени.

Я подошла к Шерману и забрала у него зелье. Мужчина отдал бутылочку с колебаниями, словно боролся сам с собой. Я незаметно провела рукой по его груди, стремясь успокоить. Ему нужно было довериться мне.

— Значит, нужно убедить его предстать передо мной в телесном облике, — сказала я, глядя на светящееся зелье.

— Корделия, я все же... — начал Шерман, но я не позволила ему договорить. Слишком поздно уже было менять план, как бы он не боялся за меня.

— Мне плеснуть зелье прямо в джинна? — уточнила я.

— Да, это будет лучше всего, — ответила Азхар.

— И тогда в дело вступим мы, — сказал Рик. — Госпожа Корделия подаст знак, когда выплеснет зелье, и мы выпустим ловчую сеть.

Маг подошел ко мне и приколот на рукав платья крошечную брошку-капельку из хрусталя.

— Помните, дотронетесь один раз — мы выпустим сеть. Если что-то пойдет не так, дотронетесь дважды — придем и вытащим вас.

— Но джинн сбежит...

— Главное — ваша безопасность, — возразил Рик.

А вот для меня главное, чтобы все вокруг были в безопасности, чтобы эта тварь больше никому не навредила, никого не убила.

— Вы должны уйти из подвала сразу же, как только подадите сигнал выпускать сеть, — продолжил Рик. — Ее нити опасны для человека. Если попадете — сгорите.

Шерман шумно выдохнул, а я невольно поежилась, представив все это. Но я успокоила себя тем, что смогу спасти людей от этой твари, сделать так, чтобы она больше не заморочила никого и не убила.

Всех пациентов и персонал временно переселили из нашего корпуса. Четверо магов осмотрели здание, и разместились в разных его частях поодиночке. Шерман объяснил, что они объединят магическую силу и будут связаны между собой энергетически, а когда придет время, создадут ловчую сеть, в которую и попадет наш джинн, если я справлюсь со всем. Шерман и Азхар ждали в общей комнате для пациентов. Доринг хотел быть как можно ближе ко мне, но знахарка не позволила. Джинн мог почувствовать рядом со мной кого-то постороннего и просто не показаться.

Шерман смотрел на меня так, словно отправлял на смертную казнь. Он еще раз проверил, крепко ли держится магическая брошь, хорошо ли закреплен флакон с зельем на поясе.

— Ну что ты, не переживай, — ласково сказала я, глядя мужчине по небритой щеке. — Я все сделаю, как договорились.

— Как я могу не переживать за тебя? Если с тобой случится что-нибудь, я никогда себе этого не прощу... Что позволил, что не отговорил...

— Не надо, Шерман, ты ведь знаешь, что по-другому никак. Ну что со мной может случиться? Ты рядом, да и маги боевые кругом.

— Просто пообещай, что сразу дашь знак, если почувствуешь хоть малейшую опасность.

Вместо ответа я потянулась к мужчине и поцеловала в щеку, наслаждаясь близостью, купаясь в его тепле и заботе. Шерман глубоко вздохнул, прижал меня к себе и шепнул едва слышно:

— Только вернись ко мне, Лия. Я так тебя люблю...

Я думала, что мне показалось, что я всего лишь нафантазировала себе эти слова, но его взгляд и прикосновения говорили совсем о другом. Его признание придало мне сил, и теперь казалось, что я обязательно со всем справлюсь. Еще раз поцеловав доринга, заставила себя отпустить его и ушла, не оглядываясь.

Давно спустилась ночь, и коридоры освещали только тусклые магические светильники. Я шла к повалу, полная решимости и стремления закончить все раз и навсегда. На самом деле я не могла ведь начать новую счастливую жизнь, лишь разобравшись с собственной проблемой. Да, теперь я точно знаю, что не сумасшедшая. Моя сестра и ее муж будут наказаны, а ко мне вернется все, что я потеряла: дом, работа, доброе имя. У меня даже появилось то, о чем я даже и мечтать не могла — любовь. Но это место, целители, пациенты — все это помогло мне жить, когда все вокруг рухнуло. Дом скорби стал моим миром, и я

обязана теперь что-то сделать для него в ответ.

Я остановилась на верхней ступеньке лестницы, ведущей к двери подвала. Никакого свечения не было, да и вообще намек на то, что внизу обитает зловредный дух. Медленно спустилась вниз и дотронулась ладонью до старого потрескавшегося дерева.

— Здравствуй! — тихо произнесла я. — Ты здесь?

— Соскучилась? — насмешливо спросил джинн.

— Почему ты не пустил меня в прошлый раз?

— Ты сильная... Выпихнула меня из своей головы.

— Больше не буду, обещаю. Позволь мне увидеть тебя.

Ответом мне служила тишина. Я напряглась в ожидании, а сердце билось так сильно, что я едва не теряла сознание. Что-то упало рядом со мной. Звук показался мне настолько громким, что даже в ушах зазвенело. Я наклонилась, чтобы поднять ключ, а когда вновь взглянула на дверь, обнаружила, что она вновь стала золотой. Вставив ключ в скважину, повернула три раза, и дверь распахнулась. Я осторожно вошла, а дверь сама собой закрылась с громким скрипом.

Я оказалась в цветущем саду, прекрасном и благоухающем. Таких причудливых цветов и деревьев я никогда не видела — разноцветные, громадные, немыслимых форм. Ходила среди этого великолепия, открыв рот в изумлении. А надо мной нависало ночное небо, усеянное звездами. Невероятно...

— Нравится? — спросил джинн.

— Очень... Ты это сам все сделал?

— Немного заворожил тебя. Умею, знаешь ли...

— Как и исполнять заветные желания? — спросила, глядя в звездное небо.

— Это я умею лучше всего, — гордо ответил джинн.

— Я бы так не сказала... Люди, которые столкнулись с тобой — несчастны.

— Бывают заветные желания, а бывает просто блажь, — возразил джинн. — Не путай, пожалуйста.

— Блажь? Ты о чем говоришь? Бедняжка Мэй умерла, потому что ты совсем свел ее с ума!

— Глупенькая Мэй... Она казалась мне самой сильной из всех, столько вкусной энергии в ней было, да и верила до последнего. Она встречалась с женатым мужчиной и просила ребенка, чтобы тот ушел от жены. Вот я и устроил ей небольшую встряску. Жаль, она не выдержала воздействия... Видно, и впрямь умом повредила.

— И ты так спокойно об этом говоришь?

— Люди сами виноваты в своих бедах, сами создают себе проблемы, — равнодушно откликнулся джинн. — Вот Райан, например, всегда тяготился собственным происхождением, всех ненавидел вокруг, не желала мириться с жизнью. Пришлось проучить его, но он оказался для меня бесполезным, пустым. В нем нет сильных чувств, страстей... В нем нет энергии, и пришлось оставить его вместе с глупыми фантазиями.

— А как же Карэн?

— Маленькая наивная девчонка... Возомнила, будто от изменения внешности и жизнь ее изменится к лучшему. Вот тебе и блажь... Пришлось проучить, но она тоже оказалась пустой. А ее якобы любовь к тому мальчишке — просто пшик.

— А в чем провинился Трой? За что ты наказал его?

— Его глупая женошка пожелала, чтобы он стал счастливым. Беда в том, что

совершенно счастлив он мог бы быть только в том случае, если бы Камиллы вовсе не было в его жизни. Люди часто делают неправильный выбор.

— И что? Нужно было внушать Трою, что он убийца? — воскликнула я.

— Признаю, что вот тут я поступил так ради забавы. Знаешь, я очень долго сидел в заточении, а там, как ты понимаешь, развлечений не было.

— Тебя радует, когда люди страдают?

— Для меня важны чувства, сильные, настоящие. И важно, чтобы человек сам точно знал, чего хочет. Вот ты знаешь, Корделия, абсолютно точно знаешь... Ты интересная, настоящая, сильная...

Голос звучал так близко, что казалось, джин стоит рядом, но я не видела никого, лишь почувствовала легкое дуновение ветерка.

— Да, желала очень сильно... Так желала, что едва не сошла с ума. И знаешь, что странно? Мое желание сбылось безо всякой магии.

— О чем же ты мечтала?

— О любви, — просто ответила я. — Как считаешь, это тоже блажь?

— Нет, это искреннее желание.

— Хорошо... Но у меня есть еще одно.

— Какое же? — спросил джинн, и в его голосе слышалось нетерпение.

— Хочу увидеть тебя, — прошептала, прикасаясь дрожащей рукой к флакону с зельем. — Ты волшебное удивительное создание... Как бы мне хотелось увидеть тебя во плоти. Наверняка, ты также прекрасен, как и видения, что ты насылаешь.

— Хочешь увидеть меня? — задумчиво повторил джинн. — Ты уверена, что это и есть твое желание? Учти, я могу исполнить все. Обещаю, что для тебя исполню в точности...

— Покажись мне! — громко попросила я. — Я очень хочу...

— Ну что ж...

Передо мной возник светящийся сгусток. Он увеличивался, удлинялся, постепенно приобретая человеческие очертания... Почти человеческие... Немного выше меня ростом, с вытянутой безволосой головой и огромными раскосыми глазами, полыхающими зеленью. У джинна на руках и ногах была странная полупрозрачная кожа, под которой словно переливалась и бурлила зеленоватая жидкость. Его тело перехватывали несколько полос черной ткани, походившей на шелк и создающей некое подобие одежды. У него были длинные тонкие руки с тремя когтистыми пальцами, а на месте ступней клубящийся туман.

— Невероятно... — прошептала я, заморожено разглядывая его.

— Я исполнил твое желание?

Я отчетливо слышала голос, но тонкие бескровные губы джинна не шевелились.

— Да, — прошептала я. — Конечно...

Собрав все свое мужество, выхватила бутылку, одним движением вынула пробку и плеснула в джинна. Зелье напоминала ту самую жидкость, бурлившую внутри существа вместо крови. Огромные глаза стали еще шире, а рот раскрылся, судорожно глотая воздух. Он силился что-то сказать, но не мог. Туман под его ногами вдруг поднялся вверх, окутывая его фигуру.

Я развернулась, чтобы убежать, но вокруг по-прежнему был сад, и я не видела золотой двери. Ерунда, главное быть подальше от него, когда появится сеть. Я потянулась к броши, когда почувствовала острую боль. Джин яростно шипел... Он вцепился когтями в мою спину и потащил назад. Я вырвалась, вскрикнув от боли и увидела, как на пол капает кровь.

Выпихнуть его из головы... Да, я смогу, сейчас... Изо всех сил оттолкнула от себя чудовище. Джинн покачнулся, взмахнув руками... Я обернулась и на секунду увидела старую деревянную дверь, прежде чем нас окутала темнота, и лишь тело джинна светилось рядом. Я дотронулась до броши один раз, и откуда-то сверху послышался гул.

Тварь вскинула голову и яростно зашипела. Мне нужно было бежать прямо сейчас, пока не поздно, но я не могла... Слишком медлила, слишком слабым оказалось зелье... Я не могла провалить все!

С потолка медленно опускалась светящаяся сеть. Я схватила джинна за руку и дернула на себя. Его свечение становилось тусклым, и я боялась, что он вот-вот станет вновь бестелесным.

— Не смей! — закричала я. — Не смей исчезать! Будь здесь, со мной! Ты никуда не уйдешь!

Джинн замер, а его кожа стала такой горячей, что я едва могла терпеть.

— Отпусти, — прохрипел он. — Отпусти, сама же погибнешь!

— Нет! — упрямо повторила я, продолжая удерживать его.

Я едва успела отскочить, когда сеть опустилась. Она окутала джинна, словно в кокон. Он кричал и дергался, а потом завизжал так громко, что я едва не оглохла. Ужасно болела раненая спина, а еще нога... Похоже, сеть все-таки задела меня. Из последних сил на ощупь поползла вперед, туда, где видела дверь. Еще немножко, еще... Передо мной вдруг возникла полоска света, и меня подхватили сильные руки.

Эпилог

Мне снилось море... Оно играло солнечными бликами в волнах, шумело, баюкая и успокаивая меня. Теплый песок, ветер, и Шерман рядом. Я бы навсегда хотела остаться в этом месте... Он ведь предлагал, а я не согласилась. Все стремилась вернуться, помочь...

Я окунулась в реальность, словно в морскую пучину. Оглядевшись, увидела женскую комнату в Доме скорби, а рядом Азхар. Она протирала мои виски какой-то жидкостью, от чего в голове прояснялось.

— Светлейший, она очнулась, — воскликнула знахарка, обернувшись.

В комнате тотчас же появился Шерман. Он бросился ко мне, обнял и принялся покрывать поцелуями мое лицо. Азхар тактично отошла в сторону, чтобы не мешать такому мужскому порыву, и вышла из комнаты.

— Как же ты напугала меня, Лия, — прошептал он. — Когда дала сигнал, я бросился к дверям, а тебя нет... и замок этот проклятый висит. Я едва дверь выломал, а ты лежишь там, без сознания, вся в крови...

— Я не могла уйти, Шерман. Джинн мог сбежать... Зелье действовало всего мгновение, а этот сад... Я едва сбросила чары.

— Ты молодец, Лия, со всем справилась.

— Его поймали?

— Конечно, поймали. Джинн снова заточен в кувшин, который теперь спрятан в имперском магическом хранилище. Больше он никому не навредит.

— Я долго спала?

— Уже полдень. Я излечил твои раны и применил сонное заклятье, чтобы ты хорошенько восстановилась.

— А что теперь будет с Азхар? — спросила я. — Ее накажут?

— По магическим законам, ее должны отправить обратно на Лунный остров, а тамошние маги уже будут разбираться, совершила она просто глупость или же преступление. Учитывая, что Мэй умерла, думаю, Азхар все-таки понесет наказание. Каждый должен отвечать за свои поступки, Лия, а с магов спрос гораздо больше, потому как и способности у них особенные. Нельзя допускать, чтобы магия вредила людям. Маги должны быть внимательней и ответственной вдвойне.

— Да, я понимаю... Ты прав, конечно. Теперь ведь все будет хорошо?

— Конечно, милая, все будет прекрасно...

Все и в самом деле стало налаживаться. Моим друзьям больше не нужна была помощь. Губительное воздействие джинна исчезло, и разум людей восстанавливался, возвращая их в реальность, пусть и не совсем радостную. Впрочем, по сравнению с миром грез, эта реальность казалась вполне даже замечательной. Карэн больше не плакала и в зеркале видела симпатичную молодую девушку, а про обидные слова друга больше и не думала, да и о нем не думала, ведь в таком возрасте так легко спутать любовь с простой симпатией. Райан успокоился и принял свою реальную жизнь, вернувшись к работе, а о жизни при дворе перестал мечтать. Ну а Трой, наконец, узнал собственную жену и перестал считать себя убийцей. Правда, вместе жить супруги уже не смогли и расстались без скандалов, спокойно и без слез. У каждого из них появился шанс наладить собственную жизнь. Камилла перестала корить себя за болезнь мужа, ну а Трой окончательно пришел в себя.

Настало время и мне разобраться со своей жизнью. После всего, что случилось со мной в Доме скорби, я больше ничего не боялась, а уж тем более собственной сестры, которая так погрузилась в свои глупые обиды, так стала одержима бесполезной мстостью, что и саму себя потеряла. Я пошла на очередное судебное заседание и смело смотрела ей в глаза. Поверенный Шермана подготовил все необходимые доказательства и документы, так что у Мартины не было шансов оправдаться.

Лаура и Шерман выступали свидетелями с моей стороны, был и маг-артефактор, который исследовал злополучную музыкальную шкатулку. Мартину и ее мужа признали виновными в мошенничестве и причинении вреда здоровью. Сестру лишили наследства, и все имущество и семейное дело было передано мне. Супругам Джонсонам грозила тюрьма, но я попросила снисхождения для них. Сестру с мужем выслали из столицы, а куда, я даже не интересовалась. Мне оставалось только надеяться, что Мартина однажды осознает все и станет нормальным человеком.

А у меня появилось столько дел, что даже думать было некогда. Как я и боялась, Мартина едва не разрушила до основания то, что я с таким трудом создавала. Пришлось долго разбираться с делами, вновь налаживать работу швейных цехов, искать заказчиков и даже уговаривать прежних работниц, которые разбежались от новой начальницы, вернуться назад. Да уж, реальная жизнь оказалась куда сложнее выдуманной. Я так погрузилась в работу, что все произошедшее в Доме скорби казалось мне лишь сном, ярким и удивительным. А особенно такими казались отношения с Шерманом. Я помнила каждое его слово, каждый взгляд, но все еще боялась, что это нереально... Приходилось снова и снова напоминать самой себе, что больше я видениями не страдаю и не буду никогда. К тому же и у него было много дел: разборки с ковром, многочисленные отчеты и объяснения о том, как в подвале его заведения оказалась опасная магическая тварь. Досталось всем...

Но все страсти вокруг джинна постепенно улеглись, да и я смогла наладить работу

мастерских. Жизнь возвращалась в нормальное русло, вот только я каждый вечер возвращалась в пустой дом. Я ждала Шермана, но не могла сделать первый шаг. Я так боялась, что самое главное — мое заветное сбывшееся желание — окажется лишь иллюзией. И все-таки дождалась...

Когда однажды вечером горничная сказала, что ко мне пришел какой-то мужчина, у меня сердце едва не выпрыгнуло из груди. Я тут же кинулась к зеркалу, пригладила растрепанные волосы, покрутилось, осматривая себя. Серые страшные платья уже остались в прошлом, и я снова стала носить красивые наряды. Правда, гардероб пришлось обновить, ведь сестричка умудрилась уничтожить всю мою одежду. Но я даже не расстроилась. Если уж начинать новую жизнь, то во всем.

Шерман ждал меня в гостиной. Стоял так скромно, спрятав руки за спиной. Высокий, статный и невероятно красивый... Мой любимый мужчина. Самый настоящий... И больше нет необходимости придумывать что-то, прятаться в иллюзиях.

— Здравствуй...

Шерман обернулся и взглянул на меня. Его лицо тут же изменилось, просветлело, как бывало всякий раз, когда он на меня смотрел. И все мои тревоги разом испарялись...

— Здравствуй, Лия...

Мужчина шагнул ко мне и замер, будто чего-то испугавшись. Оглядел меня горячим взглядом, а потом все же заключил в объятия. Я прижалась к нему, поцеловала в щеку, погладила по волосам... Как же мне не хватало его тепла!

— Лия, милая, как же я соскучился... Эти дни были просто безумными!

— Да, у меня тоже.

— Наконец-то я вырвался к тебе! Моя милая...

Шерман коснулся моих губ, и мне показалось, что я снова падаю в омут, но на этот раз я сама стремилась туда, все глубже и глубже...

— Лия, к чему тебе быть здесь одной? — шепнул мужчина. — Да и я устал жить в холодном одиноком доме... Переезжай ко мне.

Я отстранилась, посмотрев ему в глаза.

— К тебе? Ты серьезно?

— Конечно. Представь, как нам будет хорошо... Всегда вместе... А по выходным будем ездить в загородный дом, к морю, тебе ведь там понравилось?

— Очень...

Я даже не заметила, как у меня на пальце заблестело золотое колечко, усыпанное крошечными кристалликами. Это было так чудно и так... прекрасно.

— Ты волшебная нимфа, Лия... Самое прекрасное создание во всем мире... Моя любимая девушка. С первого дня, с первой секунды, как тебя увидел... Ты согласна быть со мной всегда?

Я улыбнулась и погладила его по щеке, как любила делать. Шерман по обыкновению прикрыл глаза, наслаждаясь моей лаской.

— Только с тобой... всегда, — шепнула я.

Передо мной стоял он — мой жених, самый настоящий, а вовсе не глупое видение, а внутри бушевали такие чувства, которых не было никогда. И я не хотела, чтобы это заканчивалось. Ведь благодаря Шерману я справилась со всем кошмаром, что свалился на меня. И теперь я больше никогда не вернусь в мир грез и фантазий, ведь моя реальная жизнь теперь невыразимо прекрасна.

